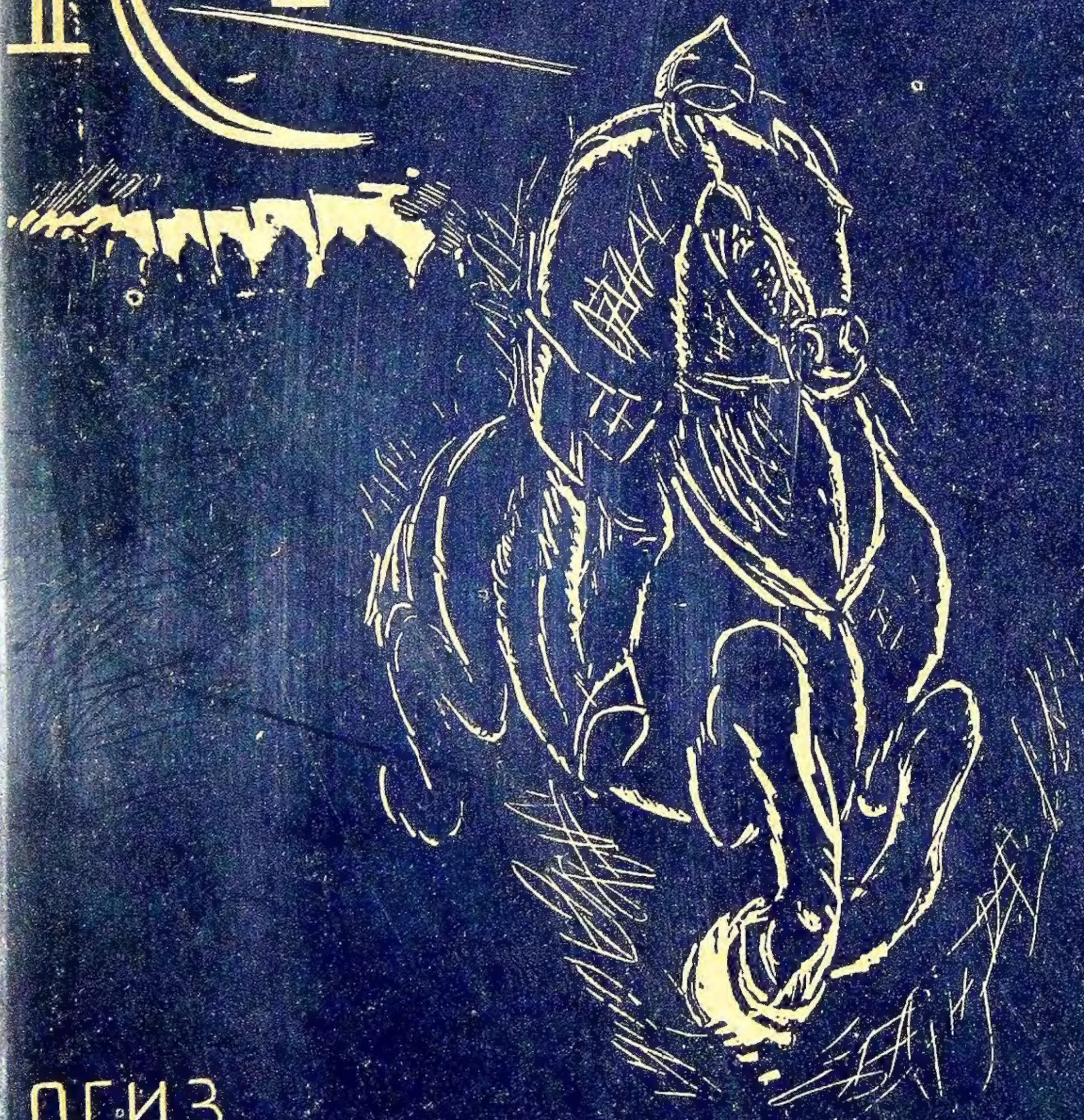
С. СИБИРЯКОВ и А. НИКОЛАЕВ

КОПОВСКИЙ



ОГИЗ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1931

С. СИБИРЯКОВ и А. НИКОЛАЕВ

ГК 525
С454

ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ

КОТОВСКИЙ

2-й экз

1931
ОГИЗ—МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1986

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГК525
С454 р

7-я

типография Мособлполиграфа
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ"
Москва, Филипповский пер., 13.

Главлит А. 87809; З. Т. 2646;
Тираж 10.250 М. Г. 5127; Инд. Д—72;
4 п. л.; авторских листов 4. Сдана
в набор 8/X-30 г. Подписана в печать
13/III.; Литредактор И. Халтурин. Тех-
редактор М. Козлов

18285

I. ЮНОСТЬ КОТОВСКОГО

Котовский Григорий Иванович родился в 1887 г. в м. Ганчешты, Кишиневского уезда, Бессарабской губернии, в семье инженера, служившего на крупном винокуренном заводе князя Манук-бея.

Двухлетним ребенком он лишился матери, шестнадцати лет он потерял отца, после смерти которого семья из пяти душ осталась без всяких средств. Заботиться о семье приходилось старшей сестре. Григорий Иванович еще учился.

Не гладко учился Григорий Иванович. Не повезло ему в школе. Поступив после домашней подготовки в реальное училище, он не окончил его, а был уволен за «плохое поведение». После этого он поступил в сельскохозяйственное агрономическое училище, состав которого был значительно демократичнее, чем в реальном училище.

В 1904 г., не окончив сельскохозяйственной школы, он поступил на службу к богатому бессарабскому помещику Сковскому в качестве практиканта.

Помещику понравился статный, здоровый и ловкий молодой человек. Он предполагал сделать его управляющим. Он чрезвычайно обрадовался, что наконец-то нашел подходящее лицо, которое сумеет прибрать к рукам распущенных крестьян. Но он горько ошибся.

Григорий Иванович впервые увидел резкий контраст между каторжным трудом наемных крестьян и беспечной жизнью помещика. Он стал на сторону первых, стараясь всемерно облегчить их тяжелое положение, и крестьяне вздохнули свободнее.

Прямой по натуре и характеру, Григорий Иванович при первой же стычке с требовательным и властным самодуром высказал ему свое презрение. Распетушившийся помещик замахнулся арапником, но не успел опустить его, как Котовский ловким движением обезоружил помещика и выбросил из конторы. Вне себя от гнева помещик помчался к становому.

В этот же день Котовский выехал на базар для продажи сельских продуктов. Вырученные за продукты деньги он вручил служащему имения и попросил его передать хозяину, что на службу к нему не вернется.

Помещику, который жаждал проучить дерзкого практиканта, это было на-руку. Организованная им погоня схватила Котовского и доставила в имение. По распоряжению Скоковского его связали, избили, вывезли и бросили на ночь в степь.

Жуткую ночь провел избитый практикант в сырой степи.

Утром сотские повели связанного Котовского в стан к приставу, оттуда его этапным порядком отправили на родину.

Несколько месяцев просидел Григорий Иванович под следствием по обвинению в растрате, но за отсутствием улик в конце-концов был освобожден.

В кишиневской тюрьме Григорий Иванович присматривался к жизни заключенных, прислушивался к справедливому ропоту на самодержавие и сделался ярым врагом правительства и помещиков.

Перед ним стал вопрос, как бороться с угнетателями. Страдания деревни ему были ближе, он видел в помещике главного врага и против него решил направить первый удар. Он рассуждал: правительство кинется защищать помещика, тогда заодно с помещиком бей и царских опричников.

Революция 1905 г. окончательно укрепила его в этом решении. Стихийные крестьянские волнения жестоко подавля-

лись. Помещики торжествовали. Они не жалели денег на содержание вольнонаемных ингушей. Свистела сабля и нагайка. Плакали кровавыми слезами крестьянские спины.

Григорий Иванович Котовский организовал боевую группу из двенадцати молодых парней и с этой горстью храбрецов об'явил войну помещикам и самодержавию. Уже после первого лихого налета группы полиция была поставлена на ноги. Помещики потеряли сон и увеличили охрану имений. Всюду были раскинуты заставы для поимки смельчаков. А они продолжали свое дело.

Вот новое неслыханное и дерзкое нападение. Окружив в лесу пеший этап крестьян, задержанных за «беспорядки» и препровождаемых под усиленным конвоем в кишиневскую тюрьму, атаман освобождает их и расписывается в книге старшего по команде: «Освободил арестованных Григорий Котовский».

Это нападение явно политического характера взбудоражило всю губернию. Были мобилизованы жандармы и шпики, но в то время, когда Котовского искали в одном уезде, он перебросился в другой и совершил новый налет на имение.

Подвижная дружина ловко ускользала от преследования. Вот-вот, кажется, со-

всем окружили их и отрезали путь к выходу из леса, но неожиданно Котовский вынырнет там, где его меньше всего ждали, и снова наводит панику на помещиков. Популярность неуловимого атамана Котовского росла и ширилась. Его налеты с каждым днем становились все смелее и поражали организованностью и удалью.

Газеты пестрели длинными описаниями похождений бессарабского Зелим-хана. Его имя окружалось ореолом славы. В народную гущу поползли легенды.

Часть отбираемых денег Котовский раздавал беднейшему крестьянству, другую вносил в губернский комитет партии социалистов-революционеров, несмотря на то, что считал себя анархистом.

Долгое время полиция не знала примет Котовского. Его ищут в уезде, а он свободно вечерами гуляет по городу и посещает на главной улице «биржу» (условное место свиданий) социал-революционеров.

Котовский приезжал в город Кишинев в собственном фаэтоне, с кучером, верным Пушкаревым, и приказчиком, отважным Демьянишиным. Останавливался в перворазрядных гостиницах под видом богатого провинциального помещика.

Григорий Иванович не ставил себе целью убийство помещиков. Он предпочи-

тал терроризировать их, разорять их гнезда, нарушать их покой. И он это делал умело. Одно время он довел помещиков до того, что почти все они оставили свои имения и в страхе спасались в городе Кишиневе. Казалось, в губернском городе совсем безопасно, но нет, всюду, куда надо было Котовскому, он умел проникнуть.

2. АТАМАН

Званый вечер в доме магната-помещика Д. Н. Семиградова. Присутствуют крупные земельные собственники — гордость царской России: Синадино, Кантакузен, Крупенский и др., в том числе и Григорий Иванович Котовский, приглашенный живущим с ним рядом в гостинице знакомым Семиградова. Красивый, умный и богатый провинциал-помещик Григорий Иванович привлекает всеобщее внимание. Разговор переходит к злободневному герою Котовскому.

— Вот вам попадись он, пожалуй, помяли бы вы ему бока, — говорит Григорию Ивановичу сосед, любуясь его крепким сложением.

Котовский скромно улыбается.

— Да и я, пожалуй. угостил бы его коечем, — хвастает сам Семиградов, угрожающе сжимая пухлый кулак.

— А в самом деле, что бы вы ему сделали, вдруг да заявись он неожиданно к вам? — интересуется Котовский.

— Очень просто: у меня всегда на стуле у кровати лежит заряженный браунинг. Нарочно для него держу. Не будь я Семиградов, если не раскроил бы ему голову.

В ту же ночь, как только гости раз'ехались, налетели на квартиру Семиградова. Крепко спящего храбреца-хозяина не потревожили, но забрали серебряную палку с золотым набалдашником — ценный подарок эмира бухарского — и дорогой ковер — подарок шаха персидского. На заряженном браунинге оставили записку: «Не хвались, идучи на рать, а хвались, идучи с рати».

Велик был гнев столбового дворянина Семиградова, когда он догадался, кто был у него в гостях. Полетел к губернатору.

Губернатор потребовал от полицмейстера энергичных мер. Полицмейстер нажал на приставов. Пристав 2-го участка Хаджи-Коли и пом. пристава Зильберг с особым рвением принялись за дело. Голова Котовского была оценена: указавшему его местопребывание была обещана щедрая награда. Но Котовского и след простыл.

Правда, Зильбергу посчастливилось: он напал на горячий след и... был арестован

Котовским. Напрасен был страх Зильберга, считавшего себя погибшим. Котовский не только не убил его, но, взяв с него слово, что он впредь не будет преследовать его дружину, подарил еще на память дорогой ковер—подарок шаха персидского Семиградову—и переслал с ним полицмейстеру барону Рейхарду палку с золотым набалдашником — память Семиградову от эмира бухарского. После таких щедрых подарков полицмейстер и помощник пристава уже не проявляли особого рвения для поимки Котовского, надеясь на дополнительные подарки.

Несмотря на все старания истинно русской газеты «Друг» заклеймить группу Котовского именем «шайки разбойников», группа пользовалась громадной популярностью среди крестьян Бессарабии. К ней не приставала худая слава.

Котовский был ловким стратегом. Он не избегал открытых столкновений с высланными против него конными стражниками. В его задачу входила борьба с царским правительством. Он издевался над царскими слугами. В стычках с численно превосходящими его силами противника он всегда выходил победителем. Он не знал поражений.

Еще тогда в подпольной России он хорошо усвоил себе тактику партизан-

ской войны и ловко водил за нос противника, никогда почти не умевшего определить численность его отряда.

Ходили слухи, что в дружине Котовского сто, двести, триста и более человек, но никто не поверил бы, что весь отряд состоял всего из двенадцати смельчаков.

Заберется дружина в густой лес, замаскирует полсотни пней и затеет бой со стражниками. И в то время как стражники усиленно обстреливают пни, дружинники, скрытые в ямах, с разных сторон осыпают врага убийственным огнем. Бегут стражники, распуская слухи, и ширится легенда о могуществе и силе грозного атамана Котовского.

Не любил Григорий Иванович духовенства. Вылетел он как-то с отрядом из засады, остановил едущий в Оргеев дилижанс. Побелели купцы, затряслись помещики, глядя на замаскированных дружинников. В стороне на видном месте без маски стоит колосс-атаман.

— А, батюшка, мое вам почтение.

Осенил поп подошедшего к дилижансу дружинника широким крестом. Но прогудел зычный бас атамана:

— Не крестись, лиходей, грабитель народный. Проворней вытряхай мошну. Обобрал, небось, свое чадо.

Заекало сердце у батюшки. Обливаясь холодным потом, он отдает денежки.

«Но почему они не трогают рядом сидящей со мной девушки?» только подумал батюшка, как к ужасу своему заметил, что атаман улыбнулся его черноглазой спутнице, а она ответно кивнула головой.

«Сообщница», шевельнулось в испуганной башке батюшки. Сдерживая дрожь, он отодвинулся в угол дилижанса.

Социал-революционерка Блима Г., ехавшая в дилижансе, к удивлению своему узнала в Котовском своего знакомого

Ликовал поп, что его спутница не заметила, как он перехватил ее и атаманову улыбки. В Оргееве Блиму Г. арестовали. Она вынуждена была признаться, что случайно познакомилась с Котовским на улице, и обрисовала его приметы.

Впоследствии, при аресте Котовского, на очной ставке в присутствии потерпевших лиц, она снова была вынуждена признать в нем своего знакомого.

Как-то меня и Григория Ивановича вызвали на свидание. Ко мне пришла Блима Г.

Встретившись глазами с Котовским, она покраснела и виновато потупила взор. Григорий Иванович узнал ее и, заметив ее волнение, подошел, ласково протянул руку и просил не волноваться.

— Я вас не обвиняю, у вас другого выхода не было, иначе вас могли бы судить как соучастницу.

Девушка подняла на него благодарный взгляд и, растрогавшись, крепко пожала ему руку.

Честолюбивому приставу Хаджи-Коли очень хочется изловить Котовского. Он направляет в дружину Котовского отчаянного разбойника Загари, который работает над захватом атаманства у Котовского. Это ему не удается, и Загари становится злейшим врагом Григория Ивановича. Чтобы усилить свою позицию, Загари втягивает в дружину бежавшего с Сахалина «обратника» Дурунчана.

Хаджи-Коли через своих агентов устанавливает слежку за своим помощником Зильбергом, и, узнав что тот ведет игру, возбуждает против него судебное дело. Зильберг заявляет, что у него действительно есть нити к шайке Котовского, но он собирается захватить ее в деле.

Зильберг боится, что Хаджи-Коли опередит его, захватит Котовского, и тогда пропала награда. Он опутывает дружину; через подставных сыщиков, через главного из них, М. Гольдмана, устраивает он Котовскому конспиративную квартиру в городе, и в феврале 1906 г. все члены

группы поодиночке попадают в руки властей.

Начинается новая героическая полоса в жизни Григория Ивановича. Борьба в неволе за волю.

Ликует правительство, что удалось изловить и бросить в тюрьму атамана. Облегченно вздохнули помещики, спокойней стало жить в имениях.

Тоскуют крестьяне о закованном в кандалах Котовском.

«Неужели не вырвется он из клетки, чтобы снова напуститься на помещиков?»

Возами везут в тюрьму подаяния.

День и ночь мечтает Котовский о воле, обдумывает план побега и решает организовать такой общий «нахальный» побег, которого еще не знала история.

Надо знать план кишиневской тюрьмы-крепости, чтобы представить себе всю трудность задачи, решить которую взялся Григорий Иванович.

Разоружить всю тюремную и воинскую охрану, захватить тюрьму в свои руки, вызвать по телефону в тюрьму товарища прокурора, полицмейстера, всех приставов и жандармских чинов города для того, что бы поодиночке арестовать их и упрятать в карцера, затем вызвать конвойную команду, якобы для производства повального обыска, разоружить и

ее и, имея в своем распоряжении одежду и оружие арестованных, инсценировать отправку большого этапа в Одессу, дорогой захватить состав поезда, чтобы следовать дальше уж по своему усмотрению.

На такой план могли решиться люди с исключительной отвагой, которым «кроме цепей» терять нечего.

Тюрьму опоясывает высокая ограда. Снаружи у ворот и вокруг — пятеро часовых. Внутри, вдоль ограды через каждые сорок метров — стражник, а у ворот — караульное помещение. Прямо против первых железных ворот вторые, решетчатые, ведущие под навес главной «крестовой» башни, дальше по этой же линии из-под навеса в главный корпус — третьи ворота, толстые, сплошные железные, с калиткой и волчком. Между корпусными и решетчатыми воротами находится тюремная контора, вход в «дворянский коридор» и к политическим заключенным на башню. Во дворе и в коридорах корпуса четырнадцать постовых надзирателей.

Котовскому предстояло обезоружить в общем больше пятидесяти человек. Несмотря на всю рискованность плана, 4 мая 1906 г. в назначенный час, среди бела дня, дружина, уверенная в своем атамане, при-

нялась за дело. В корпусе никто, кроме дружинников, не знал о предстоящем побеге.

На дворе шла обычная прогулка. Двое постучались из одиночки и попросились в уборную. Только надзиратель выпустил их в коридор и стал закрывать камеру, как сзади стальные руки взяли его на гилку (на подхват), обезоружили и связали. Затем, засунув ему в рот портянку, втолкнули в камеру под кровать.

Имея один револьвер, они осторожно подобрались к надзирателю второго коридора и, направив на него черное дуло, заставили сдать оружие. В других коридорах происходило то же самое.

Через несколько минут все коридорные надзиратели были обезоружены, связаны и лежали с заткнутыми глотками.

Двух надзирателей, наблюдавших за прогулкой во дворе, одновременно заманили в карцер и так же удачно арестовали.

Подходил самый критический момент. Каждую минуту через волчок корпусных ворот мог заглянуть привратник и, заметив отсутствие на дворе надзирателей, поднять тревогу.

Котовский приказал своим товарищам открыть все камеры и об'явить заключенным, что вышел царский манифест, а сам

с газетой направился к воротам. Развернув ее, чтобы заслонить подворотному вид из волчка, стал кричать молдаванам:

— Эге-гей, ма-на-фес, манафес!

Расчет был правилен: вся тюрьма высыпала к корпусным воротам.

Надзиратель открыл широкий волчок, и в ту же минуту настороженная цепкая рука Котовского схватила его за горло и притянула вплотную к волчку. Этого только и ждали двое из «крестовой» башни, наблюдавшие под навесом за подворотным. Один быстро подошел к бившемуся в руках Котовского надзирателю, ловко отнял у него ключи и быстро открыл замок... Одновременно с этим второй подошел к решетчатым воротам и попросил надзирателя пропустить его на «внешний» двор. Только лишь надзиратель открыл решетчатые ворота, чтобы пропустить заключенного, как из корпусных ворот хлынула в поднавес волна арестантов во главе с Котовским и его дружиной.

Часть дружины кинулась в контору, часть, прорвавшись через решетчатые ворота, устремилась к последним воротам, а самая боевая вихрем ворвалась в караульное помещение и, схватив винтовки, направила их в упор на отдыхающих стражников.

— Ни с места!

Все сдались.

У последних ворот произошла заминка. Когда кинулись к надзирателю, он крикнул: «Убейте, а ключи не отдам!» и с этими словами перебросил ключи через ограду.

На несколько секунд толпа притихла, прислушивалась к шагам наружного часового. Теперь лишь она поняла, что это не царский манифест, а манифест Котовского.

Слесари кинулись в кузницу делать новый ключ. Несколько арестантов, переодевшись в одежду стражников, приступили к обходу внутренних постов, снимая часовых. Последние хоть и слышали шум, но не поняли в чем дело и не смели покинуть своих постов для выяснения причин. Группа арестантов направилась в «сучий департамент», чтобы учинить кровавую расправу со шпиками и «лягавыми».

Между тем два каторжанина-предателя соблазнили еще нескольких молдаван и, приставив доску к стене, в кандалах пустились бежать через ограду. Из находящегося недалеко от тюрьмы полицейского участка заметили побег и открыли стрельбу.

Увидя неожиданное крушение выработанного плана побега, Котовский скомандовал: «Налетай дружно!» и вся тюрьма

как один бросилась напролом, сорвала ворота и хлынула широкой волной на просторную Сенную площадь. Но навстречу беглецам уже спешили воинские части.

Малосрочные сейчас же подались обратно и рассыпались по камерам. Только 17 самых отчаянных кинулись пробивать себе путь.

Всех, за исключением одного из дружины Котовского, Котомана, переловили. Всех, за исключением Котовского, избили прикладами и водворили на свои места. Котовского окружили, теснят к тюрьме. Он отступает, в обеих руках у него по револьверу. В своей камере он баррикадируется и из окна заявляет:

— Оружие сдам, когда губернатор приедет и даст слово, что не будет избиения.

Он добился своего. Только после того как в тюрьму прикатил губернатор и обещал, что никто не посмеет его трогать, Котовский выбросил из окна оружие.

Котовского перевели в полуподвальный секретный коридор, чтобы он всегда был на виду у стоящих во дворе надзирателей. Через окно секретки, выходящее в корпус, видно было все, что делалось внутри, и все же, несмотря на принятые меры, он организует подкоп из камеры,

который случайно во время неожиданного обыска проваливается. А подкоп был почти выведен за ограду. Рухнул план, над которым кропотливо и упорно работали долгие дни. Обнаружены на месте орудия подкопа. Вскоре рухнул другой план; на этот раз подкоп шел из уборной под фундаментом в направлении Сенной площади. Отобраны с трудом добытые буравы и топор.

Для Котовского отделывают на высокой «больничной» башне специальную камеру под названием «железная». Небольшая квадратная одиночка совершенно изолирована от корпуса. Она имеет единственное круглое окно с толстой железной решеткой. Решетчатая дверь смотрит в небольшой коридор, где приставлен свирепый тюремный надзиратель Иванов. На внешнем дворе, против окна камеры Котовского, установлен добавочный пост надзирателя.

Успокоилось начальство. Теперь, мол, все пути для Котовского отрезаны, но не успокоился Котовский. Он готовится к новому отчаянному побегу.

Жена видного административного лица приходит к нему на свидание. Свидание личное и происходит в присутствии помощника начальника тюрьмы Бебело. При всей своей жесткости тюремный чи-

новник все же находит возможным не стеснять влиятельную даму и отворачивается к окну. Это дает возможность Котовскому получить принесенную дамой шелковую веревку, браунинг, пилку и усыпляющие папиросы.

После поверки он закурил папиросу, шагает по камере. Ароматные клубы дыма дразнят Иванова, а Григорий Иванович как нарочно говорит:

— Прямо райские после махорки.

— Ну, уж будто райские?

— Ей-богу, Иванов, попробуйте.

Не устоял надзиратель против сердечного предложения и взял одну папиросу. Затянулся. сказал:

— Верно, что хороши.

Григорий Иванович устраивается ко сну...

Спит Григорий Иванович, с легким храпом спит... и кружится у Иванова голова, сильно клонит ко сну. Истома клубком сладким подкатывается к сердцу. Постоял Иванов у решетчатых дверей, прислушался. «Спит богатырским сном», думает. Отошел от дверей, пристроился на табурете в углу и незаметно заснул...

Приготовленной отмычкой Григорий Иванович открыл замок, осторожно прошел мимо надзирателя, открыл дверь и... пробрался на чердак.

С огромным напряжением раздвинул две средние решетки и, прикрепив веревку, осторожно спустился с высокой, тридцатиметровой башни во внутренний двор.

Когда Григорий Иванович был уже на полпути, стоявший внизу надзиратель Топалов заметил его страшную тень и до того растерялся, что не знал, что предпринять. Стрелять? А вдруг промахнешься? От Котовского тогда не жди пощады. Поднять тревогу? А вдруг как не поспеют во-время? Все равно Котовский прикончит на месте.

Григорий Иванович также чутьем понял, что Топалов его заметил, и по тому, что тот не стрелял, правильно рассудил, что надзиратель ни жив ни мертв, и продолжал спускаться наверняка.

— Григорий Иванович, это вы?— услышал он сдавленный вопрос.

— Я. А это вы, Топалов?

— Я, Григорий Иванович. Я. Только, ради бога, не убивайте.

— Что ты, друг милый, да за что тебя, раз ты не сопротивляешься? Давай только сюда затвор,— говорит Григорий Иванович, стоя уже рядом с ним и держа направленный на надзирателя браунинг.

— Этак, брат, вернее будет. Не правда ли? Да помоги лесенку приставить. Не бойся. Не трусь. Коли ум есть, соображай,

есть ли расчет поднять тревогу. Ночь темна, благополучно сменишься, не заметят.

И Топалов понял, что верно рассуждает Григорий Иванович. Он помогает ему отыскать доску, взобраться на стену и оттуда получает обратно свой затвор.

Котовский крался мимо наружного часового. Иванов спал. В камере на койке лежало чучело Григория Ивановича.

Лишь на третьей смене наружных часовых, когда рассветало, обнаружили висящую веревку и исчезновение Котовского.

Оба надзирателя предстали перед судом. Суду так и не удалось установить, как бежал Котовский, при чьей помощи.

Всполошился город, губерния. Шутка ли, Котовский, грозный атаман шайки анархистов, вырвался на волю! Забегали власти, засновали ищейки по свежим следам.

Некий каменщик, Ермичей, член партии социалистов - революционеров, запутавшись в сетях кишиневской охранки, соблазняется наградой за поимку хорошо ему знакомого Котовского. Очень обрадовался этот каменщик-провокатор, когда встретил Григория Ивановича на улице. Дал ему адрес надежной квартиры, где бы он мог укрыться.

Не догадался Григорий Иванович, идя на квартиру, что за ним уже следуют по пятам. Лишь перед самым домом увидел — навстречу идут трое переодетых городовых и надзиратель. Глянул назад — с угла показались два надзирателя и двое городовых. Не понял Григорий Иванович, что попал в засаду, а решил, что его выследили. Не теряясь, вошел во двор и выглянул через щель. Против калитки по переулку, по обеим сторонам квартала шли двое городовых и пристав 2-го участка Хаджи-Коли.

«Отдаться без боя? Никогда!»

Неожиданно перед самым носом полиции он выскочил из калитки и кинулся в переулок. Натиск был так стремителен, что Хаджи-Коли растерялся. Городовые с распростертыми об'ятиями перегораживают Григорию Ивановичу дорогу. Тяжелым ударом Котовский сшибает с ног одного, другого, но, схваченный за ногу, сам падает. Навалились грузные городовые. Котовский стряхнул их с плеч, вскочил, развернулся, единым ударом сбил с ног подскочившего Хаджи-Коли и кинулся бежать. Посыпались вдогонку револьверные пули, стреляли уже все городовые и надзиратели. Одна пробила лакированный сапог и впилась в толстую икру. Свист гордовых, толпа любопыт-

ных. Котовский вскочил в проезжавшую мимо извозчичью пролетку, выхватил возжи и погнал лошадь. Перепуганный извозчик соскочил с козел.

Григорий Иванович погоняет лошадь и за одним из поворотов, бросив пролетку, скрывается в ворота.

Ныла простреленная нога. Почти до вечера он просидел в грязном ватере. В сумерках, истекая кровью, он поплелся, не соображая куда. Опомнился вблизи тюрьмы. Еще несколько усилий — он дотащился до ближайшего баштана и свалился в гостеприимную зелень. Когда он проснулся, солнце высоко вскарабкалось на небо. Лакированный сапог невыносимо сжимал распухшую ногу. Он разорвал голенище, обмыл запекшуюся кровь сочным арбузом и сделал перевязку. Еще чувствуя большую слабость, Григорий Иванович подкрепил себя ароматной дыней и, решив дождаться ночи, лег спать. Ночью он добрался до Костюженской лечебницы и у знакомого врача нашел приют и помощь.

Беснуется обескураженная полиция. Производит бесчисленные обыски. И не случись злополучного предателя — Ермичея, в честность которого Григорий Иванович все еще слепо верил, не поймать бы его. 23 сентября Григорий Иванович

послал провокатору записку, а ночью 24-го нагрянул усиленный наряд полиции, оцепил дом и арестовал атамана.

3. СНОВА В ТЮРЬМЕ

Котовский снова в тюрьме. Снова гремят на ногах кандалы. Впрочем на ногах Григория Ивановича кандалы бренчали, как побрякушки. И при первой надобности, несмотря на тесную заковку, он удивительно легко снимал их.

Не сдается Григорий Иванович. Начинает подкоп из карцера. Но во время избиения тюремщиками отведенного в карцер политического заключенного тот, брошенный с силой надзирателями, прошибает своим телом маскировку и... крупный подкоп обнаружен.

Новый план. У Котовского все припасено, чтобы бежать через крышу, но... обыск. У Котовского найдены: финский нож, браунинг, веревка в 30 метров длины и два маленьких якоря. И это в то время, когда он содержится в одиночке и у камеры его постоянно находятся двое часовых.

Особенно работает мысль Котовского в 1907 г., в период пребывания в тюрьме около тридцати анархистов: «белоцерковцев», «пагисовцев» и «каушанцев». Над всеми висит 279-я статья—смертная казнь,

и Григорию Ивановичу страсть хочется вырвать их из рук палачей. Он мечтает бежать с ними из тюрьмы, организовать большую несокрушимую дружину и кинуться в беспощадную борьбу с правительством.

Идет подкоп из «крестовой» башни, из камеры политических, — генеральный подкоп. После двух месяцев работы и этот подкоп провален. Только после революции стало известно, что этот подкоп провалил провокатор С. Рейх.

Помня зверскую расправу надзирателей с арестантами после первого массового неудачного побега, Григорий Иванович предлагает анархистам уже не мирную «вязку» тюремной стражи, а открытую жестокую расправу. Но героизм у воинствующих анархистов остыл. У каждого притаилась маленькая, обманчивая, надежда, что его не казнят... Увы, надежды обманули их: большая часть была казнена по приговору одесского военно-окружного суда.

В тюрьме Котовский неустанно борется с произволом уголовных «Иванов»; выступает против традиционного взимания с новичков «на камеру», обкрадывания общетюремной кухни и спекуляции «майданщиков». Он берет под свою защиту слабых и малолетних. Арестанты

обращаются к Григорию Ивановичу за советом, защитой и помощью.

Начальник тюрьмы Францкевич, помощники и надзиратели боятся Котовского, как-будто он на свободе. По первому требованию его выпускают из камеры, пропускают в контору, вызывают к нему врача, следователя, прокурора, словом, все делают для Котовского. Он никогда не злоупотреблял своим положением и не выступал пустым волынщиком. Но если он пред'являл начальству требования, то в его спокойном тоне и четких словах чувствовалась сила. Администрация знала, что за спиной Котовского вся тюрьма.

Под окном камеры Котовского всегда народ. Своей мощной фигурой он резко выделяется; чувствуется в нем герой, вожак, которого тюремным стенам не удержать, у которого серое арестантское сукно и кандалы не в силах отнять величие.

Котовский настойчиво добивался воли, не гнулся от частых неудач. Провалится один план, у него готов другой.

Сколько бы ни находили при обысках оружия, Котовский сумеет получить с воли новое. Через следственного политического М. прошло для Котовского много оружия. Котовский часто ходит в

церковь. Не молиться ходит туда Котовский. В голове создается план захвата тюремной администрации во время одного из богослужений. В церкви у Григория Ивановича небольшой склад оружия. Раз нашли в церкви браунинг. Администрация неспокойна, подозревает, что кроме обнаруженного в церкви под аналоем огнестрельного оружия есть еще. Она не спит, чувствует, что работает голова Котовского над новым планом побега. Но администрация не знает, что у Котовского всегда при себе маленький дамский браунинг. И держит его при себе Котовский, всегда готовый дорого отдать свою жизнь, всегда готовый к неожиданному случаю для побега.

Раз навсегда об'явил Григорий Иванович начальнику, что не допустит ежедневных личных обысков, и с той поры его никогда не обыскивали.

Он неослабно борется с тюремщиками, не допускает ни малейшего ухудшения режима, проверяет продовольственную раскладку, не дает воровать администрации, не позволяет брать в карцер по самодурству.

Начальник тюрьмы кипятится, горячится и чуть не бесится.

— Скажите, пожалуйста, кто же, наконец, здесь в тюрьме хозяин? Не я,

выходит, хозяин, а Котовский: меня не слушаются, а его боятся, перед ним шапку ломают! И кто—мои же помощники, а уж об арестантах и говорить нечего.

Так, помню, жаловался рослый Францкевич.

Когда Котовскому об'явили, что он осужден на десятилетнюю каторгу, он, смеясь, ответил: «Это пустяки в сравнении с вечностью».

Кроме друзей, у Котовского много шипящих врагов. Кровожадный Загари и прочие тюремные боги, которых Котовский с приходом в тюрьму развенчал, мутят против него темных молдаван, доказывают им, что он оскверняет старые тюремные традиции.

Мало-по-малу круг заговорщиков становился сильнее и опаснее. Компания Загари замышляет убить Котовского, вырезать его сторонников — дружинников — и потом расправиться с ненавистной «политикой».

У Котовского много друзей. Лишь только шевельнулся враг, он знает его намерения. Котовский не дрожит, не трусит, несмотря на то, что живет в одной камере с главарями, вдохновителями этого черного дела — с коренастым Ванькой Козловым и геркулесом-сахалинцем Рогачевым.

У Рогачева в прошлом уйма зверских убийств, побеги и расправы с чудовищной поножовщиной. Ванька Козлов впоследствии рискнул один оказать вооруженное сопротивление всей страже бендерской тюрьмы, за что в феврале 1908 г. был приговорен военно-окружным судом к смертной казни через повешение.

С этими двумя врагами находится в одной камере Котовский. По ночам они шепчутся. Неустрашимость Котовского останавливает этих от'явленных бывалых «Иванов»: они не решаются на открытое нападение.

Друзья советовали Котовскому перейти в другую камеру, избавиться от опасных сожителей, но он и слышать не хотел:

— Чтобы я покинул камеру? Никогда! Пусть они уходят. Не запугают.

Сговорились в бане ошпарить Григория Ивановича кипятком, затем добить шайками.

Предупредили Котовского, и все же он пошел в баню, надеясь на себя. Он не хотел, чтобы враги подумали, что он струсил, и, идя с ними в баню, намекнул даже, что знает о их намерении.

Но встревоженные друзья перехитрили Котовского: политический староста задержал его под навесом интересным разго-

вором. Таким образом Григорий Иванович на этот раз избег опасности.

Другую засаду враги устроили в уборной. Один закоренелый бандит сидел против дверей, двое притаились с двух сторон при входе. Григорий Иванович открыл дверь, шагнул в коридор и, уловив взгляд сидящего, быстро вошел в уборную, но прежде чем на него набросились сзади, порывисто обернулся и направил свой маленький браунинг в растерявшихся от неожиданности заговорщиков.

— Ну, чего струсили? Подходите, трое на одного, смельчаки.

— Что ты, что ты, Григорий Иванович. Да мы не тебя, мы ничего...—забыв, что у них в руках предательски сверкают ножи, залепетали заговорщики.

— Заничегокали, гады. Вон, сию же минуту!

И, повинуясь властному приказу, трое двинулись с легкой дрожью к выходу, опасаясь, что Григорий Иванович сзади пристрелит их.

Через некоторое время на прогулке Григорий Иванович просил политических:

— Завтра на прогулку не выходите. Затевается волынка. Загари готовит на меня нападение.

— Тогда тем более надо быть нам на дворе, чтобы помочь, Григорий Иванович,— возразил Сибов.

Но Котовский и слышать не хотел.

— Они потому и решили затеять стычку во время прогулки, чтобы втянуть вас в нее. Тогда у Загари будет козырь: видите, мол, что «политика» делает, нападает на нашего брата,— и им удается устроить резню политических.

Григорий Иванович настоял, чтобы никто из нас не вышел на прогулку. С большой тревогой мы ждали следующего дня.

В обычное время в корпус выпустили на прогулку каторжан из двух коридоров. В корпусе были сложены камни: происходила перестройка больших камер в одиночки.

Сделав круг по двору, Загари завернул к одиноко гуляющему Котовскому; вслед за ним подошли еще трое заговорщиков. Загари стал требовать от Котовского, чтобы он подтвердил какой-то кляузный разговор, который-де Григорий Иванович имел по поводу него с Козловым.

Загари выдвинулся благодаря тому, что обирал своих подручных. Принимая на выучку много мелких воришек, он обрабатывал большие дела: посылал малышей в самые рискованные предприятия, сам, стоя на страже, как старший распределял

ворованное и «гамал» (обсчитывал, оттягивал) большие доли. Это в уголовном мире считается позором. К Котовскому обращались с жалобами на Загари мелкие воришки.

— Это не кляуза, а факт. Что ты отрицать будешь? Я тебе показал бы потерпевшего.

— Покажи, я его на части разорву!— горел и трясся Загари.

— Вот по этому самому случаю и не покажу, что ты налетишь на человека и угробишь его ни за понюх табаку.

Котовский щадил молодого парня, который стоял на окне «малой общей» и дрожал за свою судьбу.

— А-а, стало быть у тебя нет данных! Ты на меня кляузу возводишь. А знаешь, что я с тобой за это имею право сделать? — сжав кулаки и отбросив правую руку назад для удара, закричал Загари.

Все каторжане были наэлектризованы и, гуляя, не спускали глаз с центральной группы, где ожидалась вспышка.

Каторжане делились на группы: сторонники Котовского, сторонники Загари и нейтральные. Из сторонников Котовского на прогулке было четверо: татарин Гафар, молдаванин Маноли Гуцуляк, Демянишин и Пушкарев. Компания Загари состояла из десяти молдаван. К числу

нейтральных же принадлежали все остальные, в том числе Ванька Козлов и сахалинец Рогачев. Нейтральные боялись выступить открыто против Котовского и выжидали—чья возьмет, чтобы присоединиться к той или другой группе. Котовский знал их политику, и поэтому он выделил к началу стычки самых напористых и ловких ребят; остальные члены его дружины должны были вступить в схватку, если разгорится бой и вмешаются нейтральные.

Группа Котовского гуляла в одиночку по двору, дабы их не окружили одновременно. Зорко наблюдали за противником.

— Знаешь, что я тебе за это...—надвигался Загари грудью на Котовского — За кляузы я тебе...

Котовскому надоели приставания Загари, но он выбрал момент, чтобы выхватить у все более наглеющего врага инициативу. И когда Загари совершенно опьянел от клокотавшей внутри его ненависти, Григорий Иванович неожиданно быстро влепил ему здоровенную пощечину, прозвеневшую по всему корпусу.

Это прозвучало, как гром перед бурей. Загари отлетел в сторону, но в то же мгновенье трое его сторонников обхватили огромное тело Котовского, стараясь свалить его. Это им не удалось. Не уда-

лось и тогда, когда подскочил, оправившись, силач Загари.

Котовский был выше ростом, руки его были свободны, он мог бы глушить врагов кулаками, но почему-то не сделал этого, не допуская только свалить себя.

Корпусные надзиратели, предвидя жестокую расправу и возможно зная об этом, умышленно не поднимали тревоги, чтобы допустить убийство Котовского. Некоторые из них просто перепугались, побледнели и постарались стушеваться.

Кто бросил первый камень, не удалось уследить. Он полетел со стороны нейтральных и прожужжал над головой Котовского. Вслед за ним убийственным градом полетели еще и еще. Трудно было понять, кто в кого метит. Роем жужжали перелетные глыбы. Рогачев и Козлов гуляли, не кланяясь жужжащим камням.

Группа, возившаяся с Котовским, оттащила его к середине корпуса, но была не в силах свалить богатыря. Подворотный корпусных ворот смотрел через волчок из-под навеса. Возможно, что за его спиной стояло и главное начальство. Они, видимо, решили допустить кровопролитие, в надежде, что раз навсегда избавятся от опасного заключенного.

Загари вытащил большой нож и занес руку, чтобы незаметно и сразу располо-

совать живот Котовскому. Это было так неожиданно, что мы, наблюдавшие из окон поднавесной башни, готовы были выскочить в корпус и вмешаться, когда вдруг корпус ахнул...

Симулянт Маламуд кружился около дерущихся, неослабно следил за малейшим движением Загари, точно арбитр на арене цирка за борцами, и, заметив, как Загари предательски снизу занес нож, Маламуд хватил коварного Загари огромным булыжником по голове. Загари грохнулся на каменные плиты корпуса.

Разгорелись страсти. Каменный град усилился. Уже принимали участие и нейтральные. Все старались сшибить Котовского. Метким прицелом Гафар уложил еще одного врага. Отчаянный Демянишин, преследуемый градом камней, вскочил в ворота, как бы спасаясь бегством. На минуту шансы Котовского поколебались. Но вот Демянишин показался во весь рост на окне строящейся одиночки, единым рывом вырвал железный прут и отважно выпрыгнул в корпус.

— На, Григорий Иванович, крой их, чертей, напропалую.

Маноли Гуцуляк, гибкий, как тигр, также сшиб одного. Пушкарев догнал и камнем уложил четвертого. Шла отчаянная расправа. Гафар, Гуцуляк и Демянишин

носились по кругу двора от одного к другому врагу. Поднимали огромные каменные катыльцы и с силой опускали на их головы.

Выкалились мозги, запахло кровью. Это еще больше распалило страсти.

Григорий Иванович ни разу никого не ударил. Страшно подумать, что было бы, если бы он стал крошить неприятеля железным прутом. А он не только не думал мстить, но еще собственной грудью заслонил и отстоял своих противников — Ваньку Козлова и Рогачева — от раз'яренных Гафара и Демянишина.

Но вот корпусные ворота распахнулись, показался начальник тюрьмы со стражниками. Все арестанты мигом разбежались по камерам, не убежал лишь Котовский. С железной палкой стоял он посреди корпуса. И оттого, что Котовский остался в корпусе, начальник тюрьмы и стража не рискнули войти. Как только Котовский направляется, чтобы об'-ясниться с администрацией, начальник и стража пятятся в поднавес. Особенно комично выглядела трусливая фигура великана начальника Францкевича. Все это вызвало в корпусе смех, который разрядил жуткую атмосферу. Григорий Иванович также засмеялся, бросил железный прут, плюнул и направился в свою камеру.

Недавние его враги—Рогачев и Козлов—после побоища раскаялись и попросили у него прощения.

С Григорием Ивановичем Котовским я сидел в кишиневской тюрьме долго. Он все время находился в общем корпусе с каторжанами. Мы же, следственные политические и уже осужденные, сидели одно время отдельно от главного корпуса, на внешнем дворе, затем в поднавесной башне. Позже и нас перевели в корпус. Стоило Котовскому узнать, что мы об'явили тюремной администрации протест, обструкцию или голодовку, как он сейчас же присоединялся и поднимал всю тюрьму для поддержки наших требований. И весь корпус ходуном ходил от дружного выступления.

Гремели удары чайников, бачков, котелков и коек. Ломали двери, печи, бросали камни в корпус, в тюремную стражу. И все увещевания тюремного начальства, все угрозы пустить в ход оружие не помогали.

В ответ носился многоголосый наболевший крик заключенных:

— Стреляйте! Па-ла-чи! Кровопийцы!..

И тогда начальство сдавалось, обещало удовлетворить требования и просило Григория Ивановича успокоить тюрьму.

Григорий Иванович участвовал в суде над провокатором Гофманом. Тянули жребий, кому выполнить вынесенный ему смертный приговор. Осталось тянуть Котовскому и Борису Беркову.

— Уступи, Борис, мне его. Как петуха, задавлю эту гадину,—просил Григорий Иванович.

Берков был близорук, и Котовский опасался, что он не справится с Гофманом. Берков не соглашался. Потянули. Жребий выпал на Бориса, и он удачно выполнил акт, за что был казнен в Одессе.

Григорий Иванович давно узнал, кем он был предан. Он узнал о ловушках Зильберга, о предательстве Ермичея и о том, что устроивший его на квартире М. Гольдман состоял на службе охранки. Он мечтал с ними встретиться на свободе.

Через два дня после убийства провокатора Гофмана жандармерия, прислала в тюрьму под видом арестанта своего агента, чтобы разузнать, кто участвовал в суде над Гофманом. Григорий Иванович узнал в переодетом сыщике Михеля Гольдмана, собрал уголовных каторжан и сказал им:

— Неужели мы будем терпеть у себя в корпусе таких тварей? Нам надо брать пример с политических: они шпионов не

терпят. — И два каторжанина вызвались расправиться со шпиком.

Григорий Иванович сам бы прихлопнул своего врага, но по законам того времени за убийство в корпусе отвечала вся тюрьма, если не находился виновный. М. Гольдман сидел в большой общей уголовной камере, на прогулки не выходил из опасении быть опознанным и мог быть каждую минуту вызван в контору и выпущен. Надо было проникнуть в большую общую.

Вызвавшиеся выполнили свой долг. Один из них, сидевший за убийство жандармского унтер-офицера в г. Бендерах, Козубов, взял на себя все дело. В январе 1908 г. суд приговорил Козубова за убийство Гольдмана к каторжным работам на 20 лет.

Отчаянные побеги Котовского держали в нервном напряжении тюремное начальство. Оно принимало все меры к тому, чтобы добиться перевода его в другую тюрьму. Наконец пришло распоряжение из главного тюремного управления об отправке Котовского в образцовую каторжную тюрьму в г. Николаев.

По дороге, в Бирзуле, в этап влилась встречная партия одесситов. Сильно выделялся среди них каторжанин с сверкающим взглядом черных глаз. Это был

небезизвестный палач Павка-Грузин. Прибывшие с ним пересыльные ничего не знали о нем.

Котовский познакомился с ним. Сговорились бежать из елисаветградской тюрьмы, где предстояла остановка.

Елисаветградская тюрьма была расположена в центре города. Из пересыльного подвала, куда загнали партию, окна выходили на улицу. Обдумали план. Решили перепилить решетку, выбраться, обезоружить часового и... прощай, неволя.

И вдруг, почти в последнюю минуту, за день до обычно установленного по расписанию времени, партию вызвали на отправку. Котовский был крайне огорчен. Он готов был приписать эту неудачу случайному обстоятельству, но дальнейшее события открыли ему глаза на истинного виновника провала — на Павку-Грузина.

Говорили, что Павка-Грузин испугался отчаянного плана и в последнюю минуту у него «гайка отвинтилась». Говорили, что он прикидывался желающим бежать лишь для того, чтобы предать Котовского. Этим он надеялся заслужить себе сокращение срока наказания.

На вокзале конвойные взяли Котовского в отдельный вагон, тщательно обыскали его и в подметках тюремных котов нашли пилки.

В Образцовом николаевском централе царил строгий режим. Практиковались кошмарные избиения, применялись розги. Кровожадные тюремщики с нетерпением ждали прибытия Котовского и готовили ему кулачный прием...

Прочитав статейный список прогремевшего атамана Котовского, начальник отправил его с отборными усмирителями в одиночку. Подошли к назначенной камере. Тут тюремщики накинулись на него, но жестоко ошиблись в расчете... Котовский схватил за шиворот двоих надзирателей и так треснул их лбами друг о друга, что у остальных отпала охота приближаться к нему.

Павку-Грузина изолировали в «сучий департамент». Котовского посадили в одиночку, держали особенно строго, долго не выпускали на прогулку. Не допускали к нему приезжавших на свидание. И он сидел все время на одной арестантской баланде.

При таких условиях нельзя было и мечтать бежать из николаевского централа. Но у Котовского созревает новый план: открыть дело Рейхарда и Зильберга, вызвать в кишиневскую тюрьму из разных централов и тюрем самых отчаянных ребят в качестве свидетелей и устроить вооруженный побег.

На первом же свидании он передает пришедшему к нему товарищу инструкции. Не прошло и двух недель, как бессарабский губернатор Харузин поручил непременному члену губернского присутствия А. Э. Штанге расследовать дело.

Прокопий Демянишин и Игнатий Пушкарев, вызванные на допрос, дали скупые сведения и сообщили, что подробности можно получить от Котовского. Вызванный в контору централа Котовский отказался дать сведения, сообщив лишь, что он откроет все на суде, если таковой состоится. Между прочим Григорий Иванович указал ряд фамилий, которые на суде не откажутся подтвердить целый ряд данных по этому делу.

Указанные Котовским свидетели также отказались давать на месте показания. Таким образом власти не подозревали истинной причины, понудившей Котовского открыть это дело. Начали процесс и вытребовали свидетелей-каторжан из разных тюрем.

Помощник пристава Зильберг, Дмитрий Лемени-Македон и околоточный надзиратель Бабакиянц попали на скамью подсудимых.

У Зильберга при обыске нашли дорогой ковер—подарок шаха персидского Семиградову, а у полицмейстера барона Рей-

харда — палку с золотым набалдашником. Разоблачение всколыхнуло провинциальное болото. Начались сплетни, начались пересказы, началась ведомственная война.

Отказываясь от дачи каких-либо показаний, Котовский предоставил делу итти самотеком, а сам занялся подготовкой побега. В кишиневской тюрьме скопилось много заключенных, вызванных в качестве свидетелей по этому делу, таких свидетелей, которые никакого понятия не имели о существовании Зильберга и компании. Каждый свидетель, зная о предстоящем побеге, тянул за собой для допроса еще одного верного друга.

Из одесской тюрьмы привезли этапом В. Иоселевича, Я. Гарского из смоленского централа—И. Сафьяна. Прибыли Пушкарев и Демянишин. Доставили под усиленным конвоем Котовского. Григорий Иванович внешне сильно изменился и похудел. Но не было в глазах его уныния — он не падал духом.

«Из тюрьмы, — рассказывал мне Иоселевич,— с нами шел кортеж каторжан в количестве 20 человек во главе с Котовским. Нас окружала тройная цепь конвойных, городовых и верховых стражников. На одной из улиц вышедшая из ворот старушка, увидев грозный этап, начала

плакать и воздевать к небу руки. Увидев это, пристав подбежал к ней и начал ее толкать и ругать самыми отборными словами. Этап возмутился. Котовский крикнул «стой», и все остановились.

— Прекратить это издевательство немедленно, иначе мы не тронемся с места.

Старший по конвою, увидев возмущение арестованных, подбежал к приставу с шашкой наголо и завопил: «Что вы делаете, вы мне весь этап взволновали, уходите вон отсюда, без вас обойдемся!» Пристав стушевался, а кортеж тронулся дальше в путь.

Судебный зал был переполнен. Обыватели пришли посмотреть Котовского, послушать разоблачения. А он усмехался. Ничего он не прибавил к тому материалу, который сами обвиняемые наплели друг на друга. Каторжане-свидетели сидели и хлопали глазами.

— Что вы можете показать по этому делу?

— Ничего.

— Как ничего?! Вас выставил такой-то.

— А кто его знает, почему выставил. Я ничего не знаю.

— А вы сами также такого-то выставили.

— Я думал, что он что-нибудь знает. Но все же материал следствия и резуль-

таты обыска дали возможность судьям приговорить Зильберга к четырем годам каторги, Лемени-Македона — к заключению в крепости на 4 месяца. Полицмейстер барон Рейхард «отсутствовал». При благосклонном содействии губернатора его перевели на службу в другую губернию.

Администрация, видимо, пронюхала, что в тюрьме что-то готовится. Свидетелей по делу Зильберга спешным порядком разослали по тюрьмам. Котовский заявил администрации, что обратно в николаевский централ не пойдет. Он добился своего. Пришло распоряжение отправить его в Смоленск.

Зимой 1911 г. Котовский из смоленской каторжной тюрьмы был выслан в Нерчинские рудники. В Чите, в пересыльной, в ожидании отправки находились шестнадцать политических тоболяков, когда камера открылась и надзиратель впустил четверых новых гостей...

Котовский сразу завоевал расположение шестнадцати.

Один из пришедших, закоренелый бандит, крайне недружелюбно относившийся к политическим, всеми силами старался вызвать ссору. Остальные два поддерживали его, и, не будь Котовского, дело могло кончиться весьма плачевно для

тоболяков. В самый опасный момент взгляд Котовского на бандитов действовал, как хлыст укротителя на кровожадных зверей. Бандиты оскаливали зубы, поджимали хвосты и, бросая яростные, но бессильные взоры, уходили на свои места.

Сидели вместе десять дней. И за десять дней Котовский покорил всех и установил нормальные отношения. Он был прекрасным собеседником и вечерами развлекал пересыльных. Раз ему удалось пронести в камеру палку. Он стал в боевую позу и начал мастерски ею фехтовать и наносить удары невидимому врагу. Все были поражены его ловкостью и восторгались, а Григорий Иванович ответил:

— С этими способностями в случае революции я сумею пойти на врага.

Партию отправили на Сретенск через Шилку. Из Сретенска на Горный-Зерентуй через Шалапугино. Шли пешком по 40-45 километров переход.

«Блатные» ругались.

Усталая и разбитая партия не чаяла добраться до отдыха. На перевалах падали от изнеможения. После пятиминутного отдыха снова поднимались, шли, шли, и казалось, не будет конца этому суровому пути.

Налетали ветры, спирало дыхание от пурги, ежились от холода костлявые су-

тулые плечи больных и истощенных... Лишь один Котовский из всей партии, презрительно отбрасывая кольца кандалов, как бы состязаясь с морозом, без рубахи шагал впереди. На остановках Григорий Иванович без рубашки ложился на снег, как на перину, — конвойные дивились.

— Такого легкого пассажира сроду не видали.

Беспокойно глядели на отважного спортсмена, опасаясь как бы он не задал ходу. И когда сдали партию, вздохнули облегченно.

На Казаковских приисках свирепствовал толстобрюхий начальник, подполковник Евтин. За малейшую провинность пороли через два третьего. Особенно отличался здоровенный надзиратель и экзекутор Винокуров — правая рука Евтина.

От этапов обыкновенно оставляли для работы самых сильных, остальных гнали дальше. Котовского оставили на нерчинской каторге.

Два года работал Григорий Иванович на Нерчинских рудниках. Два года готовился к побегу и зимой 1913 г., работая на подаче песков, он накинулся на двух конвоиров, застрелил их отнятым у них же револьвером и, перемахнув через широкий ров, скрылся в зеленохвойном лесу.

Осенью 1914 г. Котовскому удалось добраться до родной Бессарабии. Почти в продолжение целого года он работал на кирпичном заводе. Бессарабской полицией были получены известия о бегстве Котовского. Для поимки его была поставлена на ноги вся жандармерия. Григорий Иванович проведал об этом и принял меры.

Как-то случайно полиция напала на след. Григорий Иванович сорганизовал вокруг себя группу беглых солдат с фронта империалистической войны и вместе с ними беспокоил попрежнему помещиков и интендантских крыс. После одного из своих нашествий на имение Григорий Иванович встретил крестьянина, который вел в город пару волов. Узнав, что крестьянин в силу нужды ведет их на продажу, Котовский дал ему несколько сот рублей и посоветовал вернуться домой. Об этом стало известно в селе. Крестьянина арестовали. В охранке показали ему фотографическую карточку Котовского, и он узнал его. Кинулись по горячим следам, но тщетно — Котовский уже в противоположном конце губернии успел совершить новые налеты и спугнуть стаю помещиков. Жандармы бросились туда, а он по подложному паспорту успел устроиться управляющим в имении.

Заклятые враги Котовского закопошились. Кишиневский полицмейстер С. О. Славинский, кишиневский исправник Хаджи-Коли и пристав Гомбарский рыскали по всем закоулкам губернии.

Фотографии Котовского были разосланы по всем губерниям и имелись на руках у всех жандармов и полицейских.

Еще с первых набегов Котовского пристав 2-го участка Хаджи-Коли становится неутомимым охотником за жизнью Григория Ивановича. Ему прощаются все грехи, все злоупотребления по службе только за то, что он сумел захватить такого опасного для правительства человека.

В октябре 1908 г. состоялось постановление губернского правления об увольнении со службы пристава 2-го участка Хаджи-Коли и о предании его суду за целый ряд нарушений по должности, обнаруженных ревизией непременного члена земского присутствия Кочервы.

Но уже в середине июля 1909 г. Хаджи-Коли, уволенный ранее, по распоряжению губернатора назначен измайловским исправником.

В 1911 г. Хаджи-Коли переводят в Петербург, в дворцовую охрану. Когда же весть о бегстве Котовского дошла до бессарабского губернатора, Хаджи-Коли

был вытребован и назначен на должность кишиневского исправника.

Чем энергичней преследуют Котовского, тем яростней налетает он на имения. В январе 1916 г., когда недовольство войной стало заметнее клокотать по деревням, Котовский со своей дружиной, совершает около двадцати крупных налетов.

Сыщики снуют по пятам. Котовский опознан. За ним снаряжена большая сила. Ночью 25 июня 1916 г. в село Стоматова, Бендерского уезда, где Котовский устроился управляющим имением, прикатили полицмейстер, исправник, пристава, городовые и стражники... Окруженный со всех сторон, раненный в грудь, Котовский попал в руки врагов. Закованного в ржавые цепи, под усиленным конвоем, Котовского доставили в кишиневский тюремный замок. С большой предосторожностью перевели в Одессу.

Котовский — в одиночке, на кругу, возле комнаты старшего надзирателя Ивана Ивановича. Помещики справляют тризну. Враг, их злейший враг, захвачен и на этот раз не уйдет: военное время, военное положение. Ничто не помешает теперь расправиться с атаманом-террористом.

Не было уголка в Бессарабской и Херсонской губерниях, где бы в эти дни не говорили о судьбе Котовского. В ноябре 1916 г. военно-окружной суд судил Котовского. В заключительном слове, длившемся более двух часов, Григорий Иванович шаг за шагом разбивал обвинение его в разбойничестве и старался шире осветить политический, революционный характер своих выступлений. Он знал, что кроме смертного приговора ничего не будет, и поэтому крепко бил по перепонкам судебных чиновников и многочисленной публики.

Последние слова были: «Прошу об одном: не вешать меня, а расстрелять». Приговор гласил: «...к смертной казни через повешение...»

В. Иоселевич, сидевший в то время в одесской тюрьме, рассказывает следующее:

«Несмотря на установленный за Котовским строгий режим и бдительный надзор, он успел сообщить мне план побега и просил моего содействия. Я сейчас же сговорился с Жариновым — Яшей-Железняком, работавшим тогда в тюремных мастерских, и он сделал ему винтики, которыми Григорий Иванович мог бы заменить заклепки на кандалах. Дальше

план Котовского состоял в том, чтобы я уговорил сидевшего у нас в корпусе инвалида по условному сигналу выбросить один из своих костылей на двор во время прогулки Григория Ивановича.

Котовский хотел стукнуть голову о голову старшего Ивана Ивановича и надзирателя Даконенко и на-ура перескочить через стену женского корпуса, а там уже на заранее условленном месте должна была лежать лестница ламповщика».

В своей краткой автобиографии, напечатанной в сборнике «Путь Котовского», Григорий Иванович пишет: «План создан. Риска на 95%, но выбирать не из чего... Властям я прямо заявил, что Котовского повесить вам не удастся... Провал побега благодаря неосторожности одного очень честного, хорошего революционера, одессита, занимающего ныне ответственный пост в нашем Союзе. Меня выводят на прогулку с руками, закованными ручными кандалами назад».

Положение безвыходное. Нет никаких шансов на спасение. Уже палач спал и во сне видел качающееся тело своей новой жертвы... И вот в октябре... по распоряжению губернатора исполнение приговора приостановлено впредь до рассмотрения ряда других дел Котовского.

Февральская революция разрушила все планы самодержавия, сорвала тяжелые тюремные засовы, освободила узников.

Новая революционная Россия приняла Котовского с восторгом и любовью. Котовский — триумфатор. Его носят, качают, окружают заботой. Одесский совет рабочих, крестьянских, матросских и солдатских депутатов продает с аукциона в Городском оперном театре его ручные и ножные кандалы за 10 000 рублей. «Медовый месяц Февральской революции, и буржуазия мои кандалы покупает» (автобиография Котовского).

Котовский стал перерождаться. Открылись глаза его на широкие задачи, стоящие перед пролетариатом и крестьянством.

В семнадцатом году он призван на военную службу, попадает рядовым в конную разведку шестой армии. В ноябре этого же года Котовский избирается в президиум армейского комитета румынского фронта. В это же время он примыкает к фракции большевиков.

Котовский спешит в близкую ему Бессарабию, чтобы ускорить отлет коршунов-помещиков. Он предвидит, что много с ними еще будет возни.

Контрреволюционное офицерство, выгнанное Октябрьской грозой из России,

собирается вокруг царского генерала, командующего румынским фронтом,—Щербачева. Под руководством генерала Презана ставка генерала Щербачева помогает румынам разоружить русских солдат, спешивших на родину. Румынская военщина и буржуазия грабят интендантские склады, расхищают запасы амуниции и стягивают своих солдат для захвата всей Бессарабии.

В январе 1918 г. в районе Тираспольского уезда Котовский организует первый ударный отряд красногвардейцев из двадцати железнодорожных рабочих и крестьян. Отважно пускается в смелые набеги на белогвардейцев. В апреле он был захвачен в плен белогвардейским конным отрядом генерала Дроздова, но ему удается бежать в Одессу.

А. НИКОЛАЕВ

I. ОДЕССКОЕ ПОДПОЛЬЕ

Поздней осенью 1918 г. Котовский неожиданно появился в Одессе. Здесь его не видали с тех пор, как Февральская революция освободила его из царской тюрьмы и спасла от смертной казни.

Он немного обрюзг и постарел, вокруг глаз залегла густая сеть мелких морщинок, лысина распространилась почти на всю голову. Но глаза Котовского блестели все той же несокрушимой энергией и волей к борьбе. Прибыв в Одессу нелегально, по паспорту ананьевского помещика Золотарева, Котовский явился в тот же день в распоряжение одесского подпольного революционного комитета, явку которого он получил еще очевидно в Москве.

С тех пор как остатки конного партизанского отряда Котовского, преданные соглашателями из бессарабского учредительного собрания и белой офицерней, перешли Днестр возле Тирасполя, прошло свыше полугода. За это время Котовский испытал много мытарств, значи-

тельно вырос политически, частично понял свои ошибки и окончательно, на всю жизнь, с полным сознанием того, что он делает, стал в ряды революционных борцов рабочего класса.

Отряд Котовского перешел Днестр весной, темной дождливой ночью. Бесшумно пройдя через дремавшее село Плоское и сонный Тирасполь, отряд вдоль линии железной дороги, мимо немецких колоний, переменным аллюром дошел до одесской магистрали и расположился на бивуак в ближайшем лесу. С Котовским кроме нескольких десятков бессарабских повстанцев были и его старые спутники по террористической работе в бессарабских экономиях, героические каторжане, прошедшие с ним весь его опасный жизненный путь в царском подполье.

Послали разведчика на ст. Раздельная, где гудели паровозы каких-то воинских эшелонов. Выяснилось, что Одесса занята немецкими войсками и что остатки Красной армии в беспорядке оттягиваются к северу. На станции Раздельная стояли уже последние отряды одесских красногвардейцев и знаменитая рота черноморских моряков с «Алмаза», горсточка храбрецов, которые до последней капли крови защищали рабочую Одессу от германской интервенции. В отряд

Котовского прибыли представители уже эвакуированного из Одессы революционного комитета румынского и черноморского фронтов. Котовскому предложили грузить отряд в эшелоны.

В лесу состоялось бурное собрание отряда. Партизаны не понимали причины немецкой интервенции и отступления красных войск, они совершенно не разбирались в политической обстановке и решили остаться здесь, на Украине, для того чтобы вести малую партизанскую войну. Здесь, в этих местах, они знали каждый перелесок, каждый овраг. Что им было делать на севере? Не полезнее ли было им оставаться здесь?

— Вы, товарищи, двигайте себе на север,— ответили партизаны представителям ревкома,— а мы останемся здесь, в Приднестровье, и будем постоянно тревожить тыл врага. Вы уж на нас положитесь. Мы подготовим вам блестящую почву для возвращения на Украину.

Глубокой ночью, у дымного костра, в котором трещали не высохшие еще после зимы ветви, Котовский попрощался со своими партизанами. Взяв с собою пять человек, которые не пожелали с ним расстаться, он через Ананьев, Вознесенск и Николаев пробрался в Екатеринослав, где в это время стоял штаб одной из

красногвардейских армий, отступавших под натиском немцев и войск гетмана Скоропадского.

В Екатеринославе Котовский заболел брюшным тифом. Время было тревожное, красные части могли эвакуироваться каждый день, немцы и гетманцы подступали со всех сторон. Котовский бредил. В полусознательном состоянии он умолял своих спутников не бросать его и доставить в Москву.

В первый день, когда Котовскому стало немного лучше, к нему в гостиницу пришел атаман Махно. Этот знаменитый впоследствии бандит тогда еще выдавал себя за преданного красного партизана. Он свыше двух часов уговаривал Котовского остаться на Екатеринославщине и вместе с ним «раздувать кадило» против немцев и гетманцев.

— Ты анархист и я анархист, — говорил Махно льстиво,— давай будем работать вместе.

Но Котовский не послушался Махно. Дав ему неопределенный ответ и назначив свидание через несколько дней, он в ту же ночь, еще с повышенной температурой, снялся из Екатеринослава. Вместе со своими спутниками перенеся много лишений в полуразрушенных теплушках, простаивая целыми днями на запасных путях,

добрался Котовский через три недели в Москву.

Котовский мечтал о Москве как о земле обетованной. Он твердо верил, что там найдутся люди, которые сумеют об'яснить ему создавшуюся политическую обстановку, рассеять все его сомнения и указать правильный жизненный путь.

В Москве он разыскал старых товарищей по каторге, прочитал целый ворох агитационных брошюр, жадно впитывал в себя новый и сначала непонятный для него воздух красной столицы. Затем он взял явку в Одессу, выправил себе нелегальный паспорт и отправился на юг.

В Одессе кое-кто увидел Котовского; его опознали старые шпики из кишеневской охранки, которые вместе со всей бессарабской полицей стянулись в Одессу, после того как румыны подошли к Днестру. В одесских газетах появилось несколько кратких заметок о возвращении Котовского. Никто еще точно не знал, с кем Котовский и для чего он возвратился в родные места. Но буржуазные листки испытывали неопределенную тревогу. Буржуазия твердо знала, что Котовский — непримиримый и опасный враг. Неизвестно было лишь, когда и как именно он начнет действовать.

В Одессе в то время было настоящее столпотворение. Формально власть в городе принадлежала деникинцам, фактически же хозяйничали иностранные интервенты, главным образом французы, которым помогали греки, итальянцы, англичане и другие. Были также полки польских белогвардейцев и румынские военные советники. В это время в Германии уже произошла революция, и немецкие войска очищали Украину.

В Одессе «работала» деникинская контрразведка. Всех подозреваемых в сочувствии большевикам хватали прямо на улице, пытали в застенках и расстреливали без суда. На заводах среди рабочих шло глухое брожение. Революционным движением руководил одесский областной комитет большевиков и ревком, в состав которого, кроме большевиков, входили еще анархисты, левые эсеры и другие мелкобуржуазные партии, в то время еще называвшие себя революционными.

На Украине росло петлюровское движение и шла борьба между гетманцами, которых немцы бросили на произвол судьбы и петлюровскими гайдамаками. В районах. Одессы и Приднестровья действовали мелкие разрозненные отряды красных партизан. Самым страшным и неуловимым из них был конный отряд, когда-то

вместе с Котовским отступивший из Бессарабии.

Уже в декабре 1918 г. Одесса снова услышала о Котовском. Ревком поручил ему сформировать боевую дружину. По распоряжению ревкома дружина Котовского казнила провокаторов и шпиков, освобождала арестованных, парализовала, где возможно, действия французской и деникинской контрразведки, экспроприировала у деникинского казначейства и у отдельных капиталистов средства, которые шли на революционную работу.

В дружину Котовского в это время входило около 30 человек, все это были люди на подбор, один в один. Смелые налеты Котовского приводили буржуазию в ужас и заставляли вспоминать о его прежних подвигах в Бессарабии.

Так, в Одессе на одном из заводов бастовало около тысячи рабочих. Предприниматель, крупный одесский фабрикант, не хотел итти ни на какие уступки, выдал полиции зачинщиков забастовки и вызвал на фабрику казаков, под охраной которых он думал возобновить работу при помощи штрейкбрехеров.

Котовский за своей подписью написал этому фабриканту письмо, в котором требовал, чтобы тот немедленно договорился с рабочими, уплатил им за выну-

жденный прогул, и добился у властей немедленного освобождения забастовочного комитета. В числе арестованных членов этого комитета находился и видный член большевистского подполья, судьба которого внушала особенные опасения.

Фабрикант, получив письмо Котовского, немедленно обратился за помощью к контрразведке. В те времена одесские богачи, напуганные непрестанной сменой властей, перестали доверять банкам и обычно держали все наличные деньги на дому. Фабрикант особенно опасался неожиданного визита Котовского к себе на квартиру и поэтому просил контрразведку принять срочные меры.

Фабрикант этот жил на втором этаже в большом доме на одной из центральных одесских улиц. Контрразведка распорядилась поместить у парадного входа и во дворе засаду в числе около 50 человек. Главное управление контрразведки помещалось едва ли не в соседнем доме, необходимая помощь могла быть предоставлена в случае нужды через две минуты. Фабрикант счел принятые меры совершенно достаточными и даже несколько успокоился. На всякий случай он почти не выходил из дому, и если выезжал, то лишь в закрытом автомобиле с пятью вооруженными до зубов стражниками.

Однажды, поздно вечером, к дому, который занимал фабрикант, под'ехал Котовский. Его сопровождали только два надежных дружинника. Котовский был в роскошной шубе с бобровым воротником и в бобровой же шапке. Он курил сигару.

Лихач с зеленой сеткой немного от'ехал от под'езда, щегольской кучер с часами на поясе вытянулся в струнку и намотал на кулак цветные вожжи. Оставив дружинников в пролетке, для того, чтобы они в случае нужды могли известить его о грозящей опасности, Котовский быстрыми шагами вошел в под'езд и крикнул:

— Эй, кто дежурный, живо сюда!

К Котовскому подскочил переодетый в штатское офицер контрразведки. Из темных углов вылезли вооруженные стражники. Увидев перед собой такого важного барина, контрразведчик, командовавший засадой, на всякий случай взял под козырек.

Котовский заговорил быстрым полушопотом:

— Мы имеем сведения, что нападение произойдет минут через пятнадцать. Разбудите резерв, зарядите оружие, будьте наготове. Я пойду предупредить хозяина, чтобы он не испугался стрельбы.

С этими словами Котовский быстро взбежал по лестнице и позвонил у двери фабриканта.

Хозяин уже собирался ложиться спать— он был в халате. Зная, что квартира его окружена надежной охраной и что в соседнем доме помещается гроза подпольной Одессы — контрразведка, он со спокойной совестью открыл дверь и впустил Котовского в переднюю.

— Я к вам по поручению коменданта города,— сказал Котовский,— положение чрезвычайно серьезное. Вам угрожает нападение. Нужно принять все меры. Пройдемте в кабинет.

В кабинете Котовский умело выведал у хозяина, где спрятаны наличные деньги и ценности. Он сразу же назвал себя и, не дав перепуганному насмерть фабриканту опомниться, быстро рассовал по карманам связки денег и мешочек с бриллиантами. Затем, угрожая хозяину револьвером, он заставил его позвонить по телефону в контрразведку и сообщить:

— Помогите, у меня Котовский.

В несколько секунд Котовский спустился вниз к парадному ходу.

— Держитесь! — крикнул он на ходу дежурному контрразведчику.— Я сейчас приду с подмогой. Котовский сейчас же

будет здесь. Постарайтесь продержаться до моего возвращения.

После того как щегольской лихач крупной рысью скрылся за ближайшим переулком, к под'езду бегом приблизилась группа стражников, вызванных фабрикантом по телефону из контрразведки. Думая, что начинается нападение, засада в под'езде открыла огонь.

Перестрелка между обоими отрядами контрразведки продолжалась в темноте около 15 минут. Засадой был взят в плен и тяжело избит прикладами тучный помощник начальника контрразведки, которого стражники с перепугу приняли за самого Котовского. С обеих сторон были убитые и раненые.

На другой день революционный комитет выдал бастующим рабочим крупное пособие, накануне взятое Котовским из несгораемого шкафа фабриканта. Перепуганный предприниматель, поняв, что никакая сила не спасет его от карающей руки революционного подполья, пошел на уступки и даже добился освобождения забастовочного комитета. Этой первой удачной операцией Котовский начал свою боевую работу в Одессе.

Боевая дружина Котовского действовала до конца марта 1919 г., когда под давлением Красной армии были сброшены

в Черное море как деникинские полки, так и их покровители — иностранные интервенты.

В течение трех месяцев боевая дружина Котовского поддерживала вооруженной рукой все мероприятия революционных организаций, скрывшихся в подполье. На белый террор он отвечал красным террором.

Котовский был вездесущ и неуловим. Переодеваясь то священником, то иностранным дипломатом, то офицером или помещиком, он проникал в места, наиболее охраняемые, совершал темной ночью и среди бела дня неожиданные смелые и всегда удачные нападения. На всех столбах в Одессе были вывешены воззвания властей, предлагавших за голову Котовского и двух его ближайших помощников крупную награду. Но Котовский обманывал своих преследователей, он был всегда там, где его меньше всего ожидали, и бесследно исчезал из засад и оцеплений, когда власти уже заранее потирали руки, радуясь, что они наконец поймали страшного террориста.

Однажды, когда в гавани одесского карантина контрразведка сосредоточила на одинокой барже несколько десятков подпольщиков, приговоренных к расстрелу, Котовский зацепил эту баржу буксиром,

бывел ее в открытое море, перебил и потопил стражу, а всех арестованных выпустил на свободу. Средь бела дня, переодев свою дружину в офицерскую форму, вооруженный двумя пулеметами, он совершил нападение на самое здание контрразведки, сжег архив, разгромил помещение и застрелил нескольких известных палачей у них же в кабинете. Методы действия Котовского были исключительно изобретательны и разнообразны. То он появлялся один или в сопровождении двух дружинников, то проводил массовые операции при участии всей дружины, конечно соответствующим образом переодетой и загримированной.

Одесская контрразведка выписала из Бессарабии оставшихся там при румынах лучших сотрудников кишеневской охранки, знавших Котовского по его прежней работе. Вскоре в результате провокации двое из ближайших помощников Котовского были пойманы и посажены в одиночку одесской тюрьмы. Буржуазная печать торжествовала победу. Одна из газет, захлебываясь от радости, поспешила даже сообщить, будто бы помощники Котовского уже расстреляны.

В то же время, в самую ночь перед расстрелом, дружина Котовского, закидав тюрьму ручными гранатами, взяла ее штурмом. Благополучно бежали не только

оба помощника Котовского, но еще несколько десятков заключенных в тюрьме политических. Провокатор, доставивший буржуазии кратковременную радость, был средь бела дня убит дружинниками на многолюдной одесской улице.

События в Одессе назревали с исключительной быстротой. Со всех сторон неудержимо подходили красные части. В тиши подполья вооружались рабочие, близлежащие деревни были в огне восстания. Власть в городе была совершенно деморализована действиями дружины Котовского. В городе царило полное безвластие и анархия. Деникинцы и интервенты начали спешно эвакуироваться. Наступали последние дни белой Одессы.

Дружинники Котовского в кривых переулках, спускающихся из города к порту, вели упорную перестрелку с эвакуирующимися войсками, вносили беспорядок и панику, отбивали обозы и целые батареи, несколько раз в день разрывали сообщение между городом и портом. 5 апреля 1919 г. в предместья Одессы вступили красные войска, а в самом городе вся власть перешла в руки совета рабочих депутатов. Деникинцы и иностранные войска забаррикадировались в порту. Накануне Котовский, переодетый полковником, вывез на трех грузовиках из подва-

ла государственного банка различные ценности, которые бегущие генералы предполагали захватить с собою на черный день.

Перед советской властью стала задача закрепить захват Одесского района и организовать оборону линии Днестра на случай возможного возвращения французских и деникинских войск при поддержке румынской армии.

Котовский спешно выехал в Тирасполь, где он присоединился к остаткам своего конного партизанского отряда и приступил к формированию кавалерийского дивизиона уже в составе регулярной Красной армии.

2. ОТХОД ЮЖНОЙ ГРУППЫ

Перед Котовским открылась новая жизненная страница. До последнего времени, за 14 лет своей революционной деятельности, он действовал как одиночка-террорист, заслоняя своих ближайших сотрудников громадой своей личности. Октябрьская революция начинала входить в новую фазу, когда ей больше уже не нужны были партизанские отряды, могущие смелыми налетами деморализовать тыл противника или подорвать его власть в оккупированных белыми городах. Революции требовалась регулярная Красная

армия, скованная железной дисциплиной, преданная безусловно делу революции, подчиняющаяся руководству коммунистической партии.

Богатое прошлое Котовского научило его многому. В борьбе с царскими чиновниками, в огне одесского подполья он научился быстро принимать решения, великолепно ориентироваться в создавшейся обстановке, наносить молниеносные и сокрушающие удары.

Революция отметила его заслуги и оказала ему доверие: Котовский был назначен командиром 2-й бригады 45-й дивизии; в состав бригады вошел и сформированный Котовским в Тирасполе кавалерийский дивизион из бывших бессарабских партизан.

Котовскому хочется оставаться на берегу Днестра. Как он сам, так и его бойцы через голову румынских кордонов поддерживают беспрерывную связь с Бессарабией по ту сторону Днестра. Котовский мечтает о том, что румынский советский фронт из пассивного станет активным, что красные войска наконец перейдут в наступление и освободят родную Бессарабию от румынских захватчиков.

Но революции понадобились услуги Котовского на другом участке. Он подчинился беспрекословно. Бригада Котов-

ского перебирается в Ямпольский уезд, Подольской губернии, и разворачивается против петлюровцев, пытающихся с запада отрезать одесский участок.

Котовский становится неутомимым организатором. Совместно с комиссарами, которых ему дает партия, Котовский вводит революционную дисциплину, расстреливает дезертиров и мародеров, организует точный учет имущества и военного снаряжения.

Эту тяжелую работу он проводит в беспрерывных боях с противником, значительно превосходящим числом красные части. В лесах, расположенных вблизи участка, занимаемого бригадой Котовского, разгуливают петлюровские банды. Каждый день можно ожидать нападения не только с фронта, но и с тыла.

Это были очень тяжелые дни. Потом наступила развязка. Катастрофа началась с Крыжополя. До этого дня все шло как-будто бы благополучно. Правого фланга, правда, у нас никогда не было: он висел где-то здесь, на границе этих проклятых песков. Каждый день отрывал у нас все новые и новые звенья этого фланга. Бандиты сидели в лесах и не пропускали случая, когда можно было вырезать у нас пару застав. Тылом у нас как-будто была Одесса.

Во всяком случае оттуда приходили поезда, привозили громадные партии каменных американских ботинок, всегда на одну ногу, и никому не нужные фляжки. Левый фланг наш упирался в Днестр. А фронт шел громадной волнистой линией на северо-запад, туда, откуда нарядные и свежие, как на парад, приходили галицийские дивизии.

И так продолжалось четыре месяца. Четыре месяца изо дня в день, как бешеные, лезли мы на лазурно-голубую стену австрийских мундиров. С проклятием и стонами мы продвигались километров пятьдесят вперед и потом под градом шрапнели и бомб возвращались назад. Но все-таки был фронт, было что-то определенное, а главное мы верили, что победим.

Котовский лично руководил всеми операциями. Привыкший к постоянным опасностям террористической работы в подполье, он служил примером для всех, в бою всегда был на линии огня, на каждом шагу, когда это было нужно, рисковал жизнью.

Петлюровские банды поддерживали тесную связь с местными кулаками и подкулачниками. Часто случалось так, что отдельных красноармейцев, отставших от частей, местные бандиты пристреливали из-за угла. Бригада Котовского была со

всех сторон окружена невидимыми и опасными врагами.

Молодая Красная армия того раннего периода революции значительно отличалась от Красной армии теперешнего ее состояния. Например, если хозяйственные части полков еще кое-как снабжали бойцов продуктами, выменивая их на соль и сахар, присылаемые из Одессы, то в отношении вооружения и другого имущества дело обстояло из рук вон скверно. Полки пополняли свои запасы главным образом из трофеев. Каждая винтовка, отнятая у противника, была крупным достижением, повозка с патронами, пулемет или лошадь с седлом — целым событием.

Несмотря на эту тяжелую обстановку, Котовский уже в те времена носился с мыслью об организации мощной конницы, которая могла бы не только нести разведывательную службу, но и представлять собою самостоятельную боевую силу.

В бригаду Котовского в то время входили три бывших партизанских полка пехоты. Один — сформированный еще в одесском подполье большевистским комитетом исключительно из бессарабцев, другой из повстанцев Ананьевского уезда, Одесской губернии, третий из повстанцев Приднестровья. В качестве кон-

ницы Котовский располагал своим тираспольским кавалерийским дивизионом и очень немногочисленным полком конных бессарабских партизан, бежавших через Днестр весной 1919 г. после неудачного восстания крестьян Хотинского уезда против румын.

Собственно говоря, конницы можно было бы иметь сколько угодно, потому что каждый красноармеец мечтал о том, чтобы сесть на лошадь. Но не было самого главного: ни лошадей, ни седел, не говоря уже о саблях.

Бессарабским кавалерийским полком командовал известный хотинский партизан Мишка Няга. Мишка был совершенно неграмотным человеком, до 19 лет он пас свиней в одном из крупнейших бессарабских имений, но он был врожденным бойцом и командиром и, когда в Хотине вспыхнуло восстание против румын, сразу же стал во главе крупного партизанского отряда.

Няга также мечтал о крупной коннице, и он предложил Котовскому смелый и хитроумный план, для того чтобы добыть лошадей.

Глубокой ночью десять смельчаков бессарабцев, под предводительством Няги, перебрались вплавь через Днестр, минуя румынские посты. Километрах в 15 от ре-

ки помещалось два больших конских завода принадлежавших бессарабским помещикам-богатеям. Заводы эти славились скаковыми лошадьми. Кровные английские скакуны поставлялись оттуда даже в царские конюшни.

Несколько месяцев до этого хотинское восстание было подавлено, большевики как-будто бы не собирались переходить Днестр, граница хорошо охранялась румынскими солдатами, и бессарабские помещики почти совершенно успокоились.

Десять смельчаков в темноте почти бегом пробежали 15 километров и добрались до первой экономии, в которой был расположен конский завод. Они перевязали сторожей и для усиления паники зажгли дом помещика с четырех концов. После этого они легко вывели великолепных скакунов в поле. На первом заводе оказалось до 40 лошадей. Их связали за недоуздки по 5-6 в ряд и погнали к следующему заводу.

По дороге им попался румынский патруль. Румыны в темноте со страху не разобрали, в чем дело. Они увидели вооруженных людей, много скачущих лошадей и, решив, что имеют дело с большим конным отрядом красных повстанцев, в панике разбежались во все стороны.

Такая же операция была проделана и на втором заводе. К героической группе красноармейцев Котовского присоединилось еще около десяти местных крестьянских парней, которые давно мечтали о том, чтобы перебежать через Днестр к красным. И у этих ребят оказалось оружие. В те времена каждый бессарабский крестьянин днем и ночью думал о восстании против румынского ига; деревня была вооружена буквально до зубов.

Нападение на второй завод также прошло совершенно благополучно. Перед рассветом к Днестру приближался уже отряд в 20 вооруженных бойцов, ведущих около сотни скаковых лошадей. На этот раз смельчаки уже не прятались от румынского поста. Они произвели на него стремительное нападение и обратили в бегство около 50 румынских солдат. Офицер выскочил на улицу в одном белье и, увидев себя окруженным красными партизанами, тут же застрелился.

Отряд возвращался обратно с триумфом. Кроме сотни кровных английских скакунов, он привел с собою с десяток добровольцев, двух пленных румын, два пулемета, несколько оседланных строевых лошадей и пять сабель.

В местечке Песчанка, занятом штабом бригады, на площади перед церковью

Котовский выстроил свой бессарабский кавалерийский полк и, плача от радости, поочередно обнял и расцеловал своих героев.

В те времена орденом Красного знамени во всей республике было награждено не более 10 человек. Не зная, как почтить геройский поступок 10 смельчаков, Котовский приказал склонить перед ними боевое знамя кавалерийского полка. Оркестр играл «Интернационал». Эта почесть обычно оказывается только мертвым героям.

Не забывая ни на минуту о нуждах пехоты, Котовский стал лихорадочно формировать конницу. Вместе с сотней вновь прибывших лошадей и старыми лошадьми бессарабского кавполка и тираспольского кавдивизиона у Котовского образовался солидный кавалерийский кулак. В одну из ближайших безлунных ночей Котовский произвел стремительное нападение на конную банду петлюровцев. Воспользовавшись темнотой, большинство бандитов ускакали на неоседланных лошадях, бросив несколько десятков седел и много сабель. Так началось формирование и вооружение знаменитой впоследствии конницы Котовского.

Дела красных в Одесском районе в это время шли все хуже и хуже. В самой

Одессе выгрузился при поддержке иностранных кораблей деникинский десант. В России Деникин подбирался почти что к самой Туле. С запада на Киев двигались петлюровцы. Главное командование решило не растягивать фронта и временно очистить Украину, уведя красные войска из Приднестровья и Крыма.

Из-за того, что связь со штабом 45-й дивизии, в которую входила бригада Котовского, прерывалась бандитами по нескольку раз в день, Котовский получил приказ об отходе слишком поздно и оказался в окружении противника. Без поддержки с тыла, в кольце озверелых врагов, Котовский со своей бригадой решил отступать собственными силами. Какой-то очень важный галицийский генерал, понимая стесненное положение бригады, прислал Котовскому парламентеров с предложением сдаться на почетных условиях. Котовский обругал парламентеров и прогнал их.

Бригада начала отступление. Конница, недавно сформированная Котовским, сыграла в этой трудной операции решающую роль. В то время как тяжелый обоз, груженный снарядами, патронами и разным имуществом, медленно двигался по песку, бессарабский кавалерийский полк под командой Мишки Няги, носился по

кругу, отбивая атаки противника. Взорвав на ст. Крыжополь все ценное имущество, которое нельзя было захватить с собою, Которский после трех дней упорных боев пробился сквозь леса и пески Подолии к местечку Бершадь, где ему удалось соединиться с отступавшей колонной своей дивизии.

Отход частей Одесского района и Крыма вошел в историю гражданской войны под названием отхода южной группы. Это одна из самых героических страниц обороны нашей республики. В отступавших частях свирепствовал возвратный тиф. Большая часть колодцев по пути следования была отравлена бандитами и кулаками. И бойцы и лошади иногда целыми сутками не имели во рту ни капли воды. Десятками тянулись подводы, на которых в бреду метались тифозные.

Лица людей были покрыты тонким желтым налетом пыли, мелкий песок хрустел на зубах, забирался в уши и нос. Шерсть давно нечищенных лошадей к ночи ссыхалась, а днем пот и песок стекали к земле желтыми мутными струйками. Песок был в пище, в белье, в верхней одежде.

По ночам ободранные и голодные бойцы спали на голой земле, зарывшись в песок. Изредка в ночной тишине раздава-

лись отдельные выстрелы: это раз'езды банд расстреливали отставших красноармейцев. Тишину нарушали и стоны тифозных. Под палящим солнцем тифозные изнывали от жары на подводах, покрытых брезентом. Умирало по нескольку десятков человек в день, и сумрачные бойцы, стиснув зубы, зарывали их тут же, в тени, возле дороги, в песке.

Собственных лошадей в обозе было очень мало. Главную тяговую силу составляли крестьянские подводы. По ночам многие из них удирали восвояси, куда-нибудь за двести километров к берегам Днестра. В таких случаях утром у дороги неожиданно обнаруживали кучу свален-ных ящиков со снарядами и товарища, заколотого во сне штыком.

Больных было слишком много и слишком мало было подвод. Медленно двигался сквозь лес, увязая в песке, бесконечный обоз. Вдоль дороги ползли умирающие, с ненавистью глядя на тех, которым удалось устроиться на зарядном ящике или санитарной повозке. Конные вестовые развозили в котелках мутную теплую воду и, отвернувшись в сторону, содрогаясь от жалости, поили ею людей, ползущих по песку.

Два или три раза в день бандиты переходили в атаку. Тогда больные и умира-

ющие сползали к обозу и дрожащими руками хватались за винтовку. Будя многоголосое эхо, долго в воздухе тогда стоял треск ружейной и пулеметной перестрелки. Потом откуда-нибудь сбоку, неожиданно, появлялась наша конница или рота здоровой пехоты. Здоровые и больные вперемежку, ставши плечом к плечу, стреляли до тех пор, пока не нагревались стволы винтовок. Те, которые могли еще двигаться, бросались вперед со штыками наперевес. До обоза доносились возгласы рукопашной схватки. Атака бандитов была отбита, и в лесу вновь все стихало на несколько часов. Самым ценным грузом в обозе были снаряды и патроны; этот груз берегли, как берегут золото, как на тропических плантациях берегут хинин.

В авангарде второй колонны 45-й дивизии шла конница Котовского. С запада двигались банды Заболотного, с юга и юго-запада отряды петлюровских атаманов Черного и Ангела. Впереди были петлюровцы, с востока деникинцы, с юго-востока подходили головные отряды Махно. Конница Котовского и бессарабский полк 1-й бригады выдерживали натиск врагов со всех сторон. В середине двигался тысячный обоз, везущий ценное военное имущество — жизнь всей груп-

пы, отходившей к северу,—снаряды и патроны. Отступление прикрывал сводный коммунистический полк, весь партийный актив Одессы, которому разрешено было эвакуироваться. В этом замечательном полку люди в левой руке держали портфель, в правой винтовку.

Конница Котовского на фронте второй колонны пробивала себе путь сквозь лес, сквозь шашки врагов. Часто между авангардом и основным ядром группы образовывался прорыв, в котором гуляли банды.

Бессарабские повстанцы, отходившие с южной группой, впервые бывали в этих местах. У ночных костров, окруженные со всех сторон врагами, с каждым днем все дальше и дальше отдаляясь от Бессарабии, эти известные и безвестные герои получали первый урок интернационального долга. Они, отныне не имеющие родины, рука об руку с рабочими и крестьянами Одессищины, Подолии, Киевщины, защищали великое дело трудящихся всего мира.

Бессарабцы отходили от костров, закапывались в гущу лесов и усаживались на пнях. С запада, из-за Днестра, дул теплый ветер. В нем были запахи бессарабских виноградников, дозревающих кукурузных полей. Бессарабцы жадно

вдыхали в себя воздух, пахнущий пряными запахами осени, вздыхали, возвращались к кострам и ложились спать.

Отступающую группу вел молодой бессарабец, начальник 45-й дивизии, Якир. Несмотря на свою молодость, он был очень серьезным и осторожным человеком. Его спокойные и обдуманные до конца распоряжения вместе с безудержной отвагой и стремительностью Котовского способствовали тому, что операция удалась. Отход южной группы сквозь пески и леса Подолии продолжался около трех недель. С внешним миром, с красными войсками севера группа была связана только при помощи радиостанции. Часто войска двигались целыми сутками, так что некогда бывало даже расставить радиостанцию и связаться с центром.

Через три недели беспрерывных боев части 45-й дивизии вырвались из кольца противников и подошли к Житомиру, занятому галичанами. Севернее этого города проходила линия отступающих красных войск, оборонявших Киев.

Стремительным натиском Котовский занял Житомир, рассеяв галичан. Впервые здесь он совершил самостоятельную операцию при помощи конницы и убедился, что все его мечты были осуществимы. Действительно, конница как самостоя-

тельная боевая единица представляла собою большую и опасную силу.

Тяжелый переход южной группы был закончен. Одесская группа войск соединилась с северными частями Красной армии. Еще около месяца бригада Котовского сражалась одновременно с деникинцами и петлюровцами, обороняя красный Киев.

Здесь Котовскому еще раз удалось провести блестящую операцию. Взяв с собою всего два эскадрона бессарабского кавалерийского полка, он пробрался на 50 километров в тыл зазевавшимся деникинцам, изрубил и захватил в плен много офицеров и еще привел с собою две тяжелых пушки, запряженные мулами. Красноармейцы с удивлением рассматривали маленьких крепких лопоухих лошадей, которыми снабжали деникинскую офицерню французские империалисты. Каждая пушка была запряжена 40 мулами. Это был очень ценный трофей, и шествие длинных запряжек с пушками через село, в котором была расположена бригада, превратилось в настоящий триумф.

Бойцам пора было и отдохнуть. Главное командование распорядилось, чтобы части 45-й дивизии были отведены на отдых в Смоленскую губернию. Бригада Котовского была погружена в эшелоны и на-

правлена в Рославль, где и расположилась на казарменном положении. В этом году зима наступила очень рано, уже в октябре все было покрыто снегом.

Котовцы впервые увидели казармы. Многим партизанам сначала было очень трудно привыкнуть к размеренной казарменной жизни. Котовский беспощадно расправлялся с лодырями, не желающими нести наряды, своевременно чистить лошадей, заниматься строевой службой. Он прекрасно понимал, что бригаде недолго придется жить в казармах, что партизанам, не знакомым с регулярной службой в армии, очень трудно привыкать к казарменному распорядку. Но все же казарменная жизнь имеет для армии громадное воспитательное значение, и Котовский железной рукой вводил революционную дисциплину, которая впоследствии дала возможность его бойцам одержать много выдающихся побед.

Бригаде Котовского пришлось стоять на казарменном положении недолго. К Петрограду подходили белогвардейские армии Юденича, и главное командование решило бросить в бой все резервы, для того чтобы сохранить для революции красную столицу.

Котовцы были снова в срочном порядке погружены в эшелоны и отправлены

под Петроград, в Детское Село, бывшее местожительство царской семьи. Многие из партизан никогда в жизни не видали даже Одессы. Они с удивлением разглядывали роскошные дворцы и полуразрушенные парки. Петроград в эти дни был окружен врагами. Продуктов было очень мало, и котовцы, привыкшие на Украине хорошо питаться, очень страдали от недоедания. Голодали даже лошади. Котовский распорядился конфисковать во дворцах и службах все старые соломенные матрацы. Вооруженные перочинными ножами, бойцы день и ночь пороли матрацы, и лошади тоскливо жевали трухлявую солому. Утилизация матрацов дала котовцам много ценных находок. Бежавшие из Детского Села аристократы позашивали в матрацы много старинного ценного оружия, и вскоре многие котовцы щеголяли в палашах и аллебардах, как средневековые рыцари.

Тоскливое стояние в Детском Селе продолжалось недолго. Юденич был отбит от Петрограда героями курсантами и балтфлотцами; рабочие Тулы погнали к югу пьяную орду деникинцев. Бригада получила распоряжение спешно итти на южный фронт.

В середине ноября котовцы в третий раз в этом году были погружены в эше-

лоны. На этот раз они шли без своего командира. Страшный приступ возвратного тифа свалил Котовского, и он почти при смерти был отвезен в один из госпиталей и оставлен под присмотром врачей..

3. ДВАДЦАТЫЙ ГОД

Из разрозненных кавалерийский частей 45-й дивизии главное командование решило сформировать отдельную кавалерийскую бригаду. Деникинские части в беспорядке откатывались к Черному морю, и, для того чтобы правильно организовать преследование, нужна была самостоятельная единица конницы.

Котовский получил приказ о своем назначении командиром кавалерийской бригады, находясь еще в госпитале в Детском Селе. Врачи были поражены, как быстро он стал поправляться. Котовский буквально рвался в бой, ему стали ненавистны больничные койки, сиделки, врачи. Через три дня после получения исторического приказа Котовский, похудевший и бледный, шатаясь от слабости после перенесенного тифа, отправился в Петроград. Там рабочие устроили ему торжественную встречу. Уже тогда начала в массах итти слава о Котовском как об одном из самых боевых командиров Красной армии. Рабочие Петрограда подарили

Котовскому теплую медвежью доху и уговаривали его побыть немного с ними, отдохнуть, но он и слышать не хотел об этом. С фронта каждый день приходили телеграммы о новых победах Красной армии, об отступлении деникинцев. Нельзя было терять ни минуты. Закутавшись в доху, взяв с собою в мешке немного продуктов, Котовский, еще не вполне оправившийся от болезни, выехал на фронт.

В те времена путешествие по железным дорогам было очень сложным предприятием. Билеты не продавались, люди ездили только по командировкам, поезда ходили без расписаний и часами простаивали на запасных путях. По дороге на Украину Котовский познакомился с женщиной-врачом Ольгой Петровной, которая вскоре стала его женой.

Котовский догнал свои части только в Екатеринославе в первых числах января 1920 г. Весь район Екатеринославщины был переполнен повстанческими отрядами, порвавшими с батькой Махно и хотевшими перейти на сторону красных. Начались лихорадочные дни формирования кавалерийской бригады. Кроме 1-го кавалерийского полка Котовскому дали крупный кавалерийский дивизион из приднестровских партизан, под командой Ивана Макаренко, и одну батарею из четырех

пушек, под командой бессарабца Просвирина. Итак, у Котовского стало сразу два кавалерийских полка и батарея. Кроме того, в новую бригаду влились отдельные кавалерийские отряды бывших махновцев. Котовский радовался, как ребенок. С распростертыми об'ятиями и дружескими шутками, как дорогого гостя, принимал он каждого нового бойца. Как лавочник торговался со штабом дивизии и пехотными бригадами из-за каждого седла, каждого пулемета, каждой уздечки. Комната, в которой жил Котовский в Екатеринославе, была завалена саблями, переметными сумами, отдельными частями седел, разными ремешками и целыми кусками кожи. Днем Котовский принимал вливавшиеся в его бригаду части похлопывал по плечу своих новых бойцов, об'езжал и пробовал лошадей, смотрел им в зубы. По ночам, при свете тусклой керосиновой лампы, Котовский вместе с женой и своими ближайшими помощниками кроил кожу, изготовлял с грехом пополам новые седла, старался сэкономить так, чтобы не пропало даром ни одного ремешка, ни одной пряжки. Он был мастером на все руки. В эти дни Котовский так переутомился и исхудал, что близкие опасались за его здоровье, так как он был очень слаб после перенесенного тифа и

утомительной дороги. Но он никого не хотел слушать, он был как в чаду.

Наконец 12 января в с. Лозоватка, под Екатеринославом, Котовский впервые произвел смотр своей кавалерийской бригаде. Обстановка была очень торжественная. На торжество прибыли начальник дивизии Якир и его ближайшие сподвижники, все те, которые помогли Котовскому получить самостоятельную конную единицу. Были произнесены речи, оркестр сыграл «Интернационал», и конница Котовского легкой рысью двинулась к югу, на деникинцев. Полуобернувшись в седле, Котовский поглядывал на тянущуюся за ним колонну. Весело грохотали пулеметные тачанки, развевались красные платки эскадронов, тяжело бежали откормленные кони артиллерии, сзади на полкилометра расстилался пестрый лес пик. Мерзлый снег скрипел под копытами лошадей. Котовский улыбался. За ним шла его конная бригада, исполнилась мечта всей его жизни.

Уже через несколько дней Котовский потерял всякую связь с остальными красными частями. Как таран, впивался он в толщу отступающих деникинских войск, уходил на десятки километров в тыл противника, как коршун, налетал на части, рас-

положившиеся на отдых, вступал в бой с целыми дивизиями, отбивал обозы и артиллерию. Боевой пыл Котовского развернулся во всю ширь после вынужденного бездействия. Его бригада, состоявшая из старых партизан, испытанных в тяжелых боях, выдерживала самые серьезные столкновения с великолепно обученными казачьими частями. В лютый мороз, скользя подковами по гололедице, неудержимо двигалась вперед конница Котовского, сметая все на своем пути. После упорных боев Котовский захватил Вознесенск и Березовку, тесня к Одессе отступающих в панике деникинцев. Белые бросали целые эшелоны с богатым снаряжением, сотни пушек и тысячи пулеметов. Сзади Котовского с боем продвигались пехотные части.

Когда Одесса была окружена тесным кольцом красных войск, Котовский решил не только прогнать деникинцев, но и истребить их. Бригада Котовского галопом проносится сквозь занятую еще белыми Одессу и переменным аллюром движется к Днестру. Котовский в глубоком тылу у белых. Он решил перерезать им путь отступления и тревожить их беспрерывными нападениями, пока не подоспеют пехотные части.

Хотя в распоряжении Котовского в это время было не более 500 вооруженных всадников, у деникинцев со страху десятерилось в глазах, и они думали, что имеют дело с целой конной армией. В дивизии диву давались, перехватывая сводки противника о стремительном продвижении «многотысячного конного корпуса Котовского». Загнанные в западню белые в районе немецкой колонии Кандель, близ Тирасполя, решили в последний раз попытаться оказать сопротивление.

Раз'езд Котовского наскочил на офицерскую заставу в одиноком хуторе и истребил ее. В печи блестели чьи-то шпоры. Котовцы повисли на сапогах и вытащили из трубы обмазанного сажей белого офицера. Оказалось, что он когда-то был эскадронным командиром одного из бойцов Котовского, бывшего вахмистра царской армии Криворучко.

Пленный офицер рассказал, что у самого Днестра столпилось около 20 000 белых, которые не знают, что им предпринять, и охотно сдались бы, если бы были убеждены, что Котовский оставит их в живых. Были посланы парламентеры. Вскоре белые во главе с генералом Самсоновым сдались. Стремительным ударом Котовский опрокинул в Днестр последние заставы белых и вступил в Тирасполь.

Походным маршем в беспрерывных боях с отступающими деникинцами подходили пехотные полки. Украина была очищена от белых, деникинская армия уничтожена.

В районе Одессы и Тирасполя Котовский захватил богатейшие трофеи, которые потом бесконечными эшелонами потянулись к голодающему тылу. В паническом отступлении деникинцы побросали тысячи вагонов с продовольствием, десятки бронепоездов, не поддающееся учету количество оружия и снаряжения. Для того чтобы подобрать и сосчитать все это имущество, из Москвы прибыла особая трофейная комиссия, она проработала несколько месяцев и тем не менее считала имущество только вагонами, не имея времени ознакомиться с ним более подробно. В боях с белыми Котовский потерял несколько десятков лучших своих бойцов во главе с политическим комиссаром Христофоровым.

Бригада была отведена на отдых в Ананьев. Но в этом году, в котором решалась судьба советских республик, Котовскому не пришлось долго отдыхать. Уже через две недели Котовский получил новый боевой приказ и походным порядком двинулся к Жмеринке, навстречу белополякам.

По сравнению со всеми предыдущими противниками, с которыми бригаде приходилось иметь дело, поляки были, конечно, наиболее опасными. Польские войска были снабжены новыми пушками и ружьями, которые им в изобилии посылала французская буржуазия. Среди польских военачальников было много французских, английских и даже американских военных советников, а также несколько десятков германских генералов, оставшихся без работы после ликвидации германской армии.

Кроме того, поляки были великолепно обмундированы и превосходно снабжались продуктами.

Котовский прибыл в район ст. Деражня в чрезвычайно тяжелый момент. Против свежих войск пана Пилсудского было выставлено несколько полков 45-й дивизии, утомленных бесконечными переходами во время деникинской кампании, оборванных и полуголодных. Но так огромна была уже в те времена популярность Котовского, что одно его появление на каком-нибудь боевом участке вызывало всеобщий взрыв энтузиазма. Лишь только по цепи пехоты передавалось сообщение о прибытии Котовского, как бойцы сами, не дожидаясь приказаний, бросались в штыковую атаку. Конечно,

Котовский занимался не только тем, что подбадривал других, но и сам каждый день выдерживал несколько боев с поляками. Впервые бригада Котовского понесла чрезвычайно тяжелые потери. За первый же месяц боев под Деражней в бригаде выбыло из строя больше половины людей и лошадей. Снарядом оторвало правую руку веселому комиссару 2-го кавполка Васе Журавлеву.

Бои в Жмеринском районе имели очень большое значение для всего юго-западного фронта красных войск. На фабриках и заводах Москвы, Петрограда, Урала и Донбасса рабочие формировали маршевые батальоны и готовили помощь для героического польского фронта. Нужно было во что бы то ни стало выдержать натиск противника и не дать ему прорваться в глубь Украины.

Обычно картина боя была всегда одна и та же. После упорной борьбы с превосходящим их в десять раз противником изнуренные полки 45-й дивизии начинали отступать. Тогда на смену появлялся Котовский. Сверкая шашками, с гиком, свистом и улюлюканием кидалась в атаку его горсточка храбрецов. Пехотные цепи также останавливались и возвращались обратно в бой. Часто Котовский заходил в тыл противника и брал пленных. Бывали

бои, когда на каждого котовца приходилось до десяти пленных и даже больше.

Все же красным войскам пришлось отступить в глубь Украины. Поляки нелегально перебросили через фронт нескольких петлюровских атаманов, которые подняли в тылу у фронта кулацкое восстание. Одним из самых знаменитых бандитских атаманов был Тютюник, который все время тревожил тыл 45-й дивизии, грабил обозы и зверски убивал раненых красноармейцев.

По всему фронту началось отступление красных войск, стала отходить и 45-я дивизия.

Бригада Котовского охраняла покой отходивших полков. Отступление было неизбежно и происходило по распоряжению главного командования. По пятам двигались поляки. Необходимо было сделать так, чтобы отходившие части как можно меньше соприкасались с противником, чтобы они по возможности отдыхали, чтобы отступление не превратилось в бегство.

Бригада Котовского рубилась день и ночь с поляками, мотаясь в промежутке, который образовался между отходящими и наступающими противниками. Бледный от переутомления, с опухшими от бессонницы глазами, носился Котовский во главе

своей бригады вперед и назад по фронту, прикрывая отступление, иногда обращая в бегство высунувшиеся слишком далеко части противника, подбадривая павших духом.

Наконец армии отошли на линию, указанную главным командованием, и после короткой передышки перешли в обратное наступление. Пришло, наконец, долгожданное подкрепление из тыла.

Впервые бригада Котовского встретилась с окопной войной. В районе Таращи и Белой Церкви польская пехота устроила проволочные заграждения в несколько рядов, под защитой которых она думала удержать наступление красных героев. В первом же бою Котовский показал, как нужно обращаться с польской проволокой. Под ураганным огнем противника он под'ехал к окопу, спешился и, схватив один из колышков, поддерживающих проволоку, рванул его изо всех сил кверху. Физическая сила Котовского, которой он славился еще в годы подполья, значительно укрепилась во время гражданской войны. Натянутая проволока вырвала несколько колышков сразу. В заграждении образовался прорыв, куда и ринулась конница.

Это был страшный бой. Пошедший в обход 1-й полк, под командой Мишки Ня-

га, был задержан в пути большой колонной поляков и не поспел во-время; 2-й полк, во главе с Котовским, должен был выдержать весь натиск противника. Котовцев было около 500 человек, поляков— около 2 000. Но поляки чувствовали себя в безопасности за проволокой, и когда на них, как снег на голову, упала конница, они сначала перетрусили и сдались. Но полковник, командовавший двумя батальонами, на которые напали котовцы, увидел, что красных очень мало, и кое-как восстановил порядок. Польские пехотинцы стали подбегать к кавалеристам и стрелять в них в упор, гоня их обратно на проволоку. Котовский увидал, что положение серьезное, и, пробивая себе дорогу грудью лошади, врезался в самую гущу польской пехоты. Добравшись до полковника, Котовский отрубил ему голову. После получасового боя котовцы вырубили около 500 поляков и около 1 000 забрали в плен. К концу боя подошел и 1-й полк, захвативший по дороге несколько сот пленных. десятки пулеметов и 4 пушки. Победа была полная. но котовцам она обошлась очень дорого. Они потеряли около 100 человек убитыми и ранеными. убит был также и славный командир 2-го полка старый приднестровский партизан Ваня Макаренко. Котовский оплакивал

его несколько дней, потому что Макаренко был одним из его самых храбрых сподвижников.

После боя под Белой Церковью поляки начали отступление по всему фронту. Как раз в это время подошла конная армия Буденного, которая зашла далеко в тыл противника и совершенно расстроила его ряды. Красная армия перешла в неудержимое наступление, гоня перед собою об'ятые паникой польские войска.

Бывали дни, когда 45-я дивизия с боем продвигалась больше чем на 50 километров. Котовский со своей бригадой все время был впереди. Ряды его бойцов редели, но каждый день приходили все новые и новые подкрепления—местные партизаны, отдельные перебежчики из соседних частей, старые друзья, приезжавшие из тыла. Котовский принимал к себе всякого приехавшего на оседланной лошади и с шашкой. Он не находил нужным испытывать их храбрость, потому что знал, что даже последний трус, который проведет несколько боевых дней в составе его бригады, в конце-концов сделается героем.

Несмотря на ежедневные кровопролитные бои, Котовский успевал поддерживать свое здоровье. Два раза в день, утром и вечером, он раздевался догола и в

течение 20 минут занимался гимнастикой, затем из колодца обливался ледяной водой. Он не курил и не пил ничего, кроме молока, а перед боем вообще ничего не ел, опасаясь раны в живот.

Будучи сам человеком чрезвычайно храбрым, он глубоко осуждал глупое хвастовство и ненужный риск жизнью. Когда нужно было поднять дух бойцов или произвести моральное впечатление на противника, Котовский сам умел скакать на коне впереди пехотной цепи, выпрямившись во весь рост и не сгибаясь под пулями. Но он страшно издевался над молодыми ребятами, которые проделывали такие же вещи без необходимости, просто для озорства.

В беспрерывных боях бригада Котовского дошла до Львова, столицы Галиции. Красные армии западного фронта в это время подошли к Варшаве. Полякам был дан хороший урок, можно было возвращаться восвояси. Красная армия начала постепенно отходить к украинской границе.

Польское командование дало задание отборному кавалерийскому корпусу окружить и истребить бригаду Котовского, а самого Котовского взять живьем. В один из дней отступления в Волынской губернии, близ Кременца, котовцы были окру-

жены со всех сторон поляками на Божьей Горе. Это был большой лесистый холм, на вершине которого помещалась часовня с «чудотворной» иконой.

Котовцам пришлось очень туго. Поляки обложили их со всех сторон и предложили сдаться. Советское командование уже потеряло надежду увидеть когда-нибудь Котовского и считало как его, так и его бригаду погибшей.

С большим трудом втащили котовцы на гору свои пушки, тачанки с пулеметами и лазаретные линейки. Нужно было приготовиться к тому, чтобы сопротивляться до последний капли крови и в случае нужды умереть героями, но не сдаваться. Здесь схватка продолжалась около трех суток. Если бы не густой лес, котовцы, вероятно, все полегли бы там. Больше половины людей и лошадей было убито, смертью храбрых пали заслуженные герои, прошедшие под пулями весь деникинский и польский фронт. Поляки сами были измучены. Пять раз под'езжал к холму польский офицер с белым флагом, предлагая почетную сдачу, и возвращался ни с чем восвояси. Котовцы провожали его градом оскорблений и насмешек.

Пока котовцы отстреливались из-за деревьев, лошади кормились на лужайках, но самим бойцам было нечего есть. На

третий день на пулеметных тачанках, на которых обычно возили скудный запас пищи, не оставалось уже ни корки хлеба. Нужно было принимать решительные меры.

Оставив караульных, Котовский собрал жалкие остатки своей бригады на вершине холма, у часовни, разрушенной трехдневным артиллерийским обстрелом. Он об'яснил бойцам, что помощи ждать неоткуда. что нужно надеяться только на свои собственные силы.

— Братва, — сказал Котовский, — простите меня. Быть может, тут моя ошибка, что я завел вас в капкан. Теперь все равно уже ничего не поделаешь. Давайте же умрем как солдаты революции или прорвемся.

Улучив удобную минутку, котовцы неожиданно бросились на противника, который ожидал их сдачи. Произошла неописуемая свалка. По горам собственных и чужих трупов прошли 4 пушки кавбригады и пулеметы на тачанках.

Покрытые кровью и пылью, пулеметчики, размахивая обнаженными саблями, бежали вприпрыжку рядом. Захваченные врасплох поляки рассыпались во все стороны. Разорвавшийся поблизости снаряд выбросил Котовского из седла, и опеча-

ленные бойцы бегом унесли на руках своего тяжело контуженного командира.

Остатки бригады прорвались к своим. Котовский ехал в фаэтоне в штаб дивизии, метался и бредил. Врачи, считая контузию очень серьезной, серьезно опасались за его рассудок. Но железное здоровье Котовского, поддерживаемое постоянными гимнастическими упражнениями, выдержало и это испытание. Организм всякого другого человека на его месте, конечно, не устоял бы, но Котовский быстро оправился и уже через три недели возвратился к командованию бригадой.

Советские дипломаты готовили мир с поляками. Было об'явлено о прекращении военных действий в 12 часов ночи 18 октября. И поляки и красные старались в последние часы перед перемирием продвинуться как можно дальше вперед, ибо это должно было иметь громадное значение для проведения будущей советско-польской границы.

Под проливным дождем, в безлунную ночь, пронизываемые насквозь холодным осенним ветром, котовцы пядь за пядью отвоевывали у врага советскую территорию.

Между 11 и 12 часами ночи, в последнюю минуту, Котовский в пешем строю с

винтовкой наперевс прошел еще около 10 километров, отбросив поляков к реке.

Наступило перемирие. Но красным войскам предстояло еще несколько сложных операций. Поляки выбросили на украинскую территорию бандитскую армию атамана Булак-Булаковича, петлюровскую армию Омельяновича-Павленко, армию эсера Савинкова, под командой генерала Перемыкина, и кавалерийский корпус изменников-казаков есаула Яковлева. Польское командование, продолжая мирные переговоры в Риге, надеялось, что эти бандиты поднимут на Украине восстание, что даст возможность Польше получить в мирном договоре более выгодные условия.

Еще не оправившиеся от лишений польского фронта бойцы Котовского бросились на борьбу с новым врагом. С петлюровцами удалось справиться очень быстро. Главные силы их, под командой уже знакомого котовцам атамана Тютюника, были разбиты впух и впрах, изрублены и рассеяны. Сам Тютюник едва избежал плена и бросил на произвол судьбы все свое имущество, штаб и даже жену.

Не останавливаясь ни на минуту, Котовский зашел в глубокий тыл противника и, разгромив штаб перемыкинской

армии в Проскурове, в беспрерывной атаке, продолжавшейся сутки, достиг Волочиска, сбросив на лед р. Збруч остатки трех белых армий. Польские офицеры, наблюдавшие за этой картиной с той стороны реки, потом писали в своих мемуарах, что они еще никогда в жизни не видали такой стремительной атаки. Действительно, ликвидация трех армий заняла не более двух суток.

Уже под самым Волочиском котовцы наскочили на бронепоезд, охранявший поспешное бегство петлюровского правительства. Атака котовцев была так стремительна, что бронепоезд, защищенный плотной стальной броней и вооруженный пушками и пулеметами, стал удирать от конницы. Сам Котовский вскочил на площадку заднего вагона и в упор застрелил из револьвера командира бронепоезда, после чего команда разбежалась, а офицеры, не желая сдаваться, покончили с собой.

На ст. Волочиск котовцы захватили поезд петлюровского правительства. В вагон-ресторане был накрыт обед, теплый суп еще дымился в тарелках. По купе были разбросаны сапоги, белье, шинели, брошенные владельцами в поспешном бегстве. Командующий петлюровской армией генерал Омельянович-Павленко, на-

стигаемый красными кавалеристами, застрелился на льду Збруча, бросив все свое имущество, штаб, ад'ютантов и жену с грудным младенцем.

Бригада Котовского после ликвидации Петлюры была отведена в г. Таращу, Киевской губернии, и стала на отдых.

4. БОРЬБА С БАНДИТИЗМОМ

Фронты гражданской войны были закончены, территории советских республик очищены от врагов. Но на теле молодого советского государства осталось еще одна страшная, раз'едающая его язва — бандитизм. Леса были переполнены дезертирами и вооруженными кулаками. Они терроризировали советскую власть на селе, грабили кооперативы и совершали нападения на молодые коммуны. Бандиты об'единялись в группы и захватывали целые районы. Некоторые банды насчитывали свыше 1 000 человек.

Расположившись на отдых в Тараще, Котовский в течение четырех месяцев совершенно очистил окружающие районы от бандитов. В конце апреля, еще не закончив реорганизацию бригады на мирном положении, он получил приказ грузиться в эшелоны и следовать в Тамбов для ликвидации восстания Антонова.

В это время бандиты были фактическими хозяевами Тамбовской губернии. Расположенные там тыловые части Красной армии были совершенно деморализованы; брошенные на подавление восстания школы курсантов, окруженные со всех сторон предательством, несли крупные потери.

Сам Антонов, до измены советской власти бывший начальником уездной милиции, имел много тайных друзей в советском аппарате, которые ему всячески помогали. Впоследствии выяснилось, что даже оружие антоновские банды получали из государственных складов, в то время как красным частям в этом оружии отказывалось.

Уже через несколько часов, после того как бригада Котовского выгрузилась в уездном городе Моршанске, первый полк имел столкновение с бандитами и изрубил их около 500 человек. По всей Тамбовской губернии пронесся слух о прибытии Котовского. У красноармейцев поднялось настроение, они стали смелее итти в бой, бандиты затаились и выжидали.

Совместно с командующим армией тов. Уборевичем Котовский разработал остроумный и смелый план совместных действий автобронемашин и конницы. Бро-

невики должны были окружить бандитов и погнать их на бригаду Котовского. План удался блестяще. Главные силы бандита Антонова в количестве свыше 5 000 человек, загнанные бронемашинами и кавалерийской бригадой тов. Дмитриенко, подошли вплотную к Котовскому. После страшного боя, длившегося около 5 дней, котовцы, которых было всего около 500 человек, наконец одолели бандитов. Несколько тысяч их было изрублено, другие, побросав оружие, являлись в сельские советы и сдавались в плен. Сам Антонов со своими ближайшими сподвижниками скрылся в лесах на берегу р. Вороны, где преследованием его занялись школы курсантов.

Два кавалерийских полка бандитов под командой известного уголовного преступника, конокрада, убийцы и поджигателя Матюхина укрылись в тамбовском лесу. Тамбовский лес простирается почти до самого Брянска, так что бандитов в лесах было очень трудно поймать. Во всяком случае для этого понадобилось бы слишком много времени и несколько красноармейских дивизий.

Котовский решил выманить бандитов из лесу хитростью. Как раз в то время тамбовскими властями был пойман ближайший помощник Антонова, начальник

его штаба, бывший штабс-капитан царской армии Эктов. Сам он был из крестьян и дослужился до офицерских чинов во время японской войны. Антонов мобилизовал его в свою банду насильно, и Эктов, как только попал в плен, раскаялся и обещал помочь ликвидации бандитизма. Этого Эктова главное командование прислало в распоряжение Котовского для того, чтобы он использовал его как можно лучше. Банде Матюхина не было известно о том, что Эктов попал в плен, и она продолжала думать, что он скрывается вместе с Антоновым.

Эктов прибыл в распоряжение Котовского под охраной 8 чекистов. Хотя он и обещал помогать, но вполне доверять ему, конечно, нельзя было.

Во главе 40 отборных всадников Котовский однажды ночью под'ехал к одинокому хутору близ леса, в котором пряталась банда Матюхина. При отряде Котовского находился и Эктов, от которого чекисты не отступали ни на шаг.

На хуторе жил старик, отец одного из банды Матюхина, знавший Эктова в лицо. Эктов сообщил ему, что он идет на помощь Матюхину во главе банды казаков, которой командует бандитский атаман Фролов. Старик сейчас же нашел мальчишку-пастушонка, знавшего все лес-

ные тропинки, который взялся отвезти Матюхину письмо Эктова, где сообщалось, что к бандитам идет помощь.

Котовский обещал подарить мальчишке в награду свои часы. Отряд пробыл на хуторе до рассвета. Наконец мальчишка привез ответ. Матюхин благодарил Эктова и атамана Фролова за помощь и предлагал встретиться и соединиться через неделю в с. Кобыленка, в 8 километрах от тамбовского леса.

Котовский возвратился в распоряжение бригады и немедленно попросил главное командование очистить весь район, прилегающий к лесу, от красных войск, для того чтобы не спугнуть бандитов. После этого Котовский, не сообщая никаких подробностей, донес, что он отправляется в секретный рейд: нужно было быть очень осторожным, ибо если у Матюхина возникло бы малейшее подозрение и до него дошел бы слух о готовящейся экспедиции, то бригада Котовского легко бы сама могла попасть в западню, которую она готовила врагу.

Котовский создал бригаду. Он вкратце об'яснил красноармейцам, какая сложная предстоит операция, велел им не болтать и притворяться, что они бандиты, до тех пор, пока не будет отдано новое распоряжение. Бойцы начали лихорадочно го-

товиться к переодеванию, первый полк пошил себе черные круглые смушковые шапки, казачьи кубанки, второй полк нашил на брюках широкие полосы красной материи, как носят донские казаки. Своих эскадронных красноармейцы начали величать господин есаул. Словом, усиленно репетировали свою будущую роль.

Ровно через неделю после получения ответа от Матюхина бригада Котовского, переодетая в казачью форму, прибыла в с. Кобыленка и выслала в лес парламентеров — комиссара второго полка Захарова и взводного командира Симонова.

Матюхин поверил письму Эктова, но все же продолжал соблюдать крайнюю осторожность. Он великолепно понимал, что в лесу его взять трудно, но что, как только он выберется в поле, малейшая оплошность может его погубить. Захаров и Симонов пробыли в лесу целых два дня, уговаривая Матюхина присоединиться к атаману Фролову. Бандиты внимательно разглядывали переодетых красноармейцев, подставляли им всякие ловушки, пытались даже напоить их пьяными, но ничего подозрительного обнаружить не могли.

В то же время в с. Кобыленка прибыло четверо бандитских разведчиков. Они поселились в помещении штаба Котовского,

долгими часами беседовали с красноармейцами и все пытались пронюхать, не кроется ли где-нибудь измена. Но бойцы Котовского были хорошо подготовлены. Они отшучивались от щекотливых вопросов, хитрили, переводили разговор на другие темы. Наконец бандиты окончательно пришли к убеждению, что они действительно имеют дело с настоящим отрядом белых казаков атамана Фролова.

Через три дня после того как котовцы прибыли в с. Кобыленка, из лесу показалась банда Матюхина. Бандиты были великолепно вооружены, все лошади были оседланы настоящими кавалерийскими седлами. Действительно эта банда, состоящая из двух полных полков, была самой сильной и опасной боевой единицей антоновского восстания.

Котовский решил прежде всего покончить с командным составом банды. Поэтому он придумал следующую хитрость. Поздоровавшись с Матюхиным и даже поцеловавшись с ним, для того чтобы усыпить все его подозрения, он предложил собрать совещание всех командиров, для того чтобы обсудить нападение на красный Тамбов.

К вечеру в избу, занимаемую Котовским, собралось около 20 лучших бандитских командиров. Там же находилось

и 8 человек котовцев, которых атаман Фролов отобрал из самых отборных своих людей. По бригаде потихонку от бандитов был отдан приказ прекратить маскарад и вступить в бой как только в избе штаба бригады поднимется стрельба.

В тесной накуренной избе, при свете керосиновой лампы, началось заседание. Поочередно выступали командиры Котовского, и отдельные бандиты обменивались приветствиями. Эта комедия была необходима для того, чтобы оттянуть время и дать возможность бригаде подготовиться к бою. После того как были исчерпаны все темы для разговора, Котовский поднялся во весь рост и воскликнул, выхватив наган:

— Довольно ломать комедию, пора этих бандитов расстрелять!

В комнате началась невообразимая паника. Кое-кто из бандитов кинулся в окна, но там встретили их дула красноармейских винтовок. Другие в панике полезли под стол и под лавки. Но бандиты вскоре оправились. Кто-то в суматохе опрокинул лампу. Она погасла, и в наступившей темноте бандитские командиры и котовцы стали расстреливать друг друга в упор из револьверов. Бандиты были истреблены все до одного, с нашей стороны был ранен в грудь и в правую

руку сам Котовский и тяжело ранен в ногу комиссар 1-го полка тов. Данилов.

В это же время котовцы, находившиеся на улице, услышали условный сигнал — стрельбу в штабе, обнажили оружие и бросились на бандитов. На улицах села загорелась страшная рукопашная схватка, бандиты бежали во все стороны, котовцы догоняли их и рубили на всем скаку. В эту ночь погибло около 800 бандитов, банда Матюхина была полностью истреблена и тем самым ликвидированы остатки антоновского кулацкого восстания.

Раненый Котовский был доставлен в Москву. Лучшие врачи советовали ему отнять руку, чтобы избежать заражения крови, но Котовский считал, что его рука еще понадобится в боях за революцию. Стиснув зубы, он перенес мучительнейшую операцию и стал лечиться.

У него была расщеплена пулей плечевая кость. Врачи говорили, что, даже если рука заживет, Котовский никогда не сможет ею действовать, потому что кость срастется неправильно. Если бы кто-нибудь мог вплоть до полного выздоровления оттягивать его локоть книзу, то только при этих условиях была надежда на то, что рука будет действовать. Котовский сам придумал средство, чтобы вылечить себя. К раненому локтю он привя-

зал полупудовую гирю и не расставался с нею больше месяца. Он преодолевал постоянную мучительную боль и не спал по ночам. Действительно от раны через полгода не осталось и следа.

После победы над Антоновым бригада Котовского возвратилась на Украину. Осенью того же года много раз битый красными частями петлюровский атаман Тютюник вооружил тысячу белых офицеров и во главе этого отряда двинулся из Польши на Киев. И на этот раз самому Тютюнику с двадцатью пятью всадниками удалось ускользнуть от рук Котовского. Весь же его отряд, стостоявший из отчаянных головорезов и неисправимых врагов советской власти, был истреблен целиком. В двадцатипятиградусный мороз бригада Котовского окружила банду в лесу, возле местечка Базары. Ни один бандит не ушел живым.

После окончания борьбы с бандитизмом Котовский всю свою энергию устремил на мирное строительство Красной армии. Он строит мосты и казармы, организует коммуны из демобилизованных красноармейцев, покупает библиотеки, обучает своих бойцов гимнастике, отправляет своих командиров для учебы на курсы и в военную академию.

Нелепый и бессмысленный выстрел неожиданно прервал кипучую жизнь Котовского. Он погиб во цвете сил, полный жажды к борьбе, готовый отдать свою жизнь для победы социалистической революции. Имя его навсегда войдет в историю классовой борьбы, как имя преданного солдата коммунизма, отдавшего все свои силы во имя лучшего будущего грядущих поколений.

Г. И. КОТОВСКИЙ.

Моя краткая автобиография

Родился в 1887 г. в м. Ганчешты, Кишиневского уезда, Бессарабской губернии. Отец служил инженером на крупном винокуренном заводе князя Манук-бея. Матери я лишился, когда мне было два года. Все свое детство я проводил в заводских казармах рабочих, и их тяжелая кошмарная жизнь наложила на мою душу свою печать.

Отданный в реальное училище, я его не окончил вследствие своего «плохого поведения», которое не гармонировало с режимом того времени, введенным в средней школе, и я был уволен, после чего поступил в сельскохозяйственное агрономическое училище, состав воспитанников которого был значительно демократичнее, чем в реальном училище.

Здесь впервые уже начала оформляться моя личность протестанта против существовавшего порядка вещей. Эти протесты выливались в стихийные неорганизованные формы, но я уже являлся вожаком, за которым зачастую шли воспитанники даже старших классов.

В 16 лет я потерял отца и остался круглым сиротою. Собственности у отца не было никакой, и вся семья в пять душ жила исключительно на его жалование.

Еще во время пребывания в школе, в конце 1902 г. и начале 1903 г., я познакомился с кружками с.-р., комитет которых находился в Кишиневе, и весной 1903 г. был арестован кишиневским губернским жандармским управлением и просидел в кишиневской тюрьме три месяца под следствием, но за отсутствием улик был освобожден.

Тюрьма и ее режим произвели на меня колоссальное впечатление и дали огромный толчок моей стихийной революционной психологии.

В 1904 г. я поступаю практикантом по сельскому хозяйству в крупное имение богатого бессарабского помещика и здесь с ужасающей ясностью сталкиваюсь с огромной нищетой того, кто создает все богатства помещику,— с беспросветной жизнью батрака, с его 20-часовым рабочим днем; я сталкиваюсь с батраком, у которого нет во всей его тяжелой кошмарной жизни ни одной светлой человеческой минуты, с одной стороны, и со сплошным праздником, полной роскошью жизни — жизни паразитов, безжалостных, беспощадных эксплоататоров — с другой.

Наступает 1905 г., в который я окунаюсь целиком. Почему я остался вне партийной организации? В силу того, что по натуре своей был слишком активным. Я не мог в те годы вложиться в какие-нибудь определенные рамки. Моя натура требовала

немедленных действий — мести по отношению к тем, кто так издевался и эксплоатировал всю массу трудового народа.

1905 г. и потом последующие годы и все имевшие место исторические моменты ясно предопределяют мою работу и создают из меня смертельного, беспощадного мстителя за рабочих и крестьян. Мстителя активного. Начинаю террор помещиков, фабрикантов и вообще богачей. Сжигаю их имения, забираю ценности, которые потом раздаю бедноте в городах и селах Бессарабии. Попытки схватить меня не удавались, так как и крестьяне и рабочие всегда наотрез отказывались выходить и выезжать на облавы, устраиваемые для моей поимки. Несколько раз отбиваюсь от военного конвоя вооруженным нападением крестьян, арестованных за аграрные беспорядки, и, наконец, зимою 1906 г. меня, проданного властям за 10 тысяч рублей одним провокатором, арестовывают в Кишиневе.

Следствие. Суд. Впереди каторга... В тюрьме я и арестованные мои товарищи состоим на учете политического Красного креста, который нас поддерживает материально. Через три месяца после заключения в тюрьму при помощи своих товарищей связываю всю администрацию, обезоруживаю всю стражу губернской тюрьмы — бежим, но уже на улице я ранен, и меня снова водворяют в тюрьму.

Сажают снова в одиночку, и через три месяца я снова бегу уже один с пятого этажа. 2-3 дня

на свободе, и снова продан провокатором за крупную сумму губернскому жандармскому управлению, снова ранен, арестован и снова в тюрьме, в специально переустроенной и приспособленной для меня камере.

Часть дел прекращается следствием, и меня спешно высылают в так называемую Образцовую николаевскую каторжную тюрьму как уже осужденного на каторгу.

Одиночный режим в течение двух с половиной лет с прогулкой по 15 минут в сутки полной изоляцией от живого мира. На моих глазах люди от этого режима гибли десятками, и только железная воля и решение во что бы то ни стало быть на свободе, жажда борьбы, ежедневная тренировка в виде гимнастики спасли меня от гибели.

Потом смоленская каторжная тюрьма, орловская и, наконец, Сибирь, нерчинская каторга, работа в шахтах и побег оттуда зимой 1913 г., при чем мной были убиты из отнятого револьвера два конвоира, охранявших наверху выход из шахты.

Тайга. Тысячи верст. Благовещенск, Чита, Иркутск, Томск и его общество землемеров землеустроительной комиссии. Явки. Паспорта и нелегальная жизнь. Потом европейская Россия. Работа на Волге грузчиком, чернорабочим на постройках и в помещичьих имениях, кочегаром на мельнице, помощником машиниста, кучером, разливальщиком и рабочим на пивоваренном заводе, молотобойцем, рабочим кирпичного завода, рабочим на постройке железной дороги — везде я бу-

дил ненависть к эксплоататорам, к тем, кто выжимает последние соки из рабочего и бедняка.

На одном месте оставаться долго нельзя... Потом тяга в родную Бессарабию — летом 1914 г. Империалистическая война. Жить и скрываться становится еще тяжелее. Снова организую террор на помещиков и богачей, и снова они почувствовали мою руку.

Власти знают, что Котовский снова в Бессарабии. За поимку мою берется сам департамент полиции, и из Петрограда, Москвы и Киева высылаются лучшие шпики. Огромная напряженнейшая смертельная борьба с ними. Все поднято на ноги. Фотография моя в тысячах экземпляров разослана кругом, на всех железных дорогах меня ожидают. Назначается большая премия за мою поимку. Ухожу. Скрываюсь с горизонта летом 1916 г. и по подложному паспорту поступаю управляющим к одному крупному аграрию-помещику Бессарабии.

Веду агитаторскую и пропагандистскую работу среди рабочих, которые состояли из пленных австро-венгерцев, солдат русской старой армии больших возрастов и деревенской бедноты окружающих сел, которых работает в этом имении свыше трех тысяч человек. Веду также работу между частями сапер, рывшими окопы на территории имения.

Здесь никто не знал, что я Котовский. Но снова подлое предательство, повидимому, узнавшего меня провокатора. В имение приезжают внезапно

ночью наряды полиции, жандармерии и конных стражников свыше трехсот человек. Отчаянная борьба. Мне простреливают грудь и снова меня, с закованными руками и ногами, везут на автомобиле, с помпой и торжеством, в знаменитый кишиневский тюремный замок с его 18-саженной высоты башнями и железными одиночками.

Перевод из кишиневской тюрьмы в одесскую. Полная и исключительная изоляция от всего мира и даже невольных обитателей одесской тюрьмы. Исключительно применявшийся только ко мне в одесской тюрьме режим. Спешное следствие. Нажим одесского военного губернатора на военно-следственные власти, ведшие мои дела, для быстрейшего их окончания с целью поскорее меня повесить...

С моей стороны — напряженнейшее стремление бежать и огромная работа мысли и воли в этом направлении. План создан. Риска на 95%, но выбирать не из чего... Властям я прямо заявил, что Котовского повесить вам не удастся...

Провал плана побега благодаря неосторожности одного очень честного, хорошего революционера, одессита, занимающего ныне ответственный пост в нашем Союзе. Меня выводят на прогулку с закованными в кандалы руками.

Форсируется следствие и смертный приговор, но приходит к этому моменту Февральская революция, и я снова на свободе. Одесский совет рабочих, крестьянских, матросских и солдатских депутатов продает с аукциона в Городском оперном

театре мои ручные и ножные кандалы за 10 000 р. Медовый месяц Февральской революции, и буржуазия мои кандалы покупает.

Еду в Кишинев. Начинается работа большевиков по разложению армии. Еще не осознавая и не охватывая умом всей работы большевиков, я по интуиции, по чутью присоединяюсь к ним как к партии, которая мне наиболее близка и к которой я близок по своей психике.

Ведь с первого момента моей сознательной жизни, не имея еще тогда никакого понятия о большевиках, меньшевиках и вообще о революционерах, я был стихийным коммунистом, своей психикой, своей интуицией схватывающим сущность классовой борьбы между трудом и капиталом, между жестоко, беспощадно эксплоатируемым и жестоко, беспощадно эксплоатирующим. Я был по натуре и психологии человеком реального действия. Я не мог спокойно смотреть на бедствия эксплоатируемого бедняка, рабочего и крестьянина — отсюда моя активная месть богачам сегодня и моя помощь, моя безграничная любовь и преданность тем, кто тяжелым трудом добывал себе кусок черного хлеба. Я насилием и террором отбирал от богача-эксплоататора ценности, которые ему по праву не принадлежали, и передавал их тем, кто эти богатства и ценности создавал своим трудом, своей кровью и потом. Я, не зная партии, уже был большевиком.

Поездка на румынский фронт, работа по разложению армии и власти временного правительства.

С'езд 6-й армии румфронта 25 ноября 1917 г. в Г'алаце, в Румынии. Выделение фракции большевиков на этом с'езде, к которой примыкаю и я. Избираюсь в состав армейского комитета. Делегируюсь президиумом комитета в Бессарабию, в кишиневский комитет советов для связи и представительства.

Борьба с наступающими войсками Румынии. Отход за Днестр в Тирасполь. Формирование отрядов красной гвардии, потом частей Красной армии. Период гражданской войны. Беспрерывное активное участие в ней. Ранение и контузия. Борьба с бандитизмом. Наконец работа во время мирной передышки.

Вот вся правда моей жизни в краткой биографии.

Командир 2-го кавалерийского корпуса
КОТОВСКИЙ

---

50 коп.

14544

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:
Москва, ГСП 1, Богоявленский пер., 4.
КНИГОЦЕНТР
Отдел юношеской и детской литературы